

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Апостол Андрей
Первозванный пострадал
за грехи человечества,
а перстень с его
изображением стал
игрушкой темных
сил...

Елена АРСЕНЬЕВА

Перстень Андрея Первозванного

Артефакт & Детектив

Елена Арсеньева

Перстень Андрея Первозванного

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Арсеньева Е. А.

Перстень Андрея Первозванного / Е. А. Арсеньева — «Эксмо»,
2019 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-04-099670-4

В семье врача Кавалерова много лет хранилась семейная реликвия — старинный перстень с изображением первого проповедника христианства на Руси, Андрея Первозванного. Кольцо берегли и хранили как зеницу ока, пока в одночасье вся налаженная жизнь Кавалеровых не рухнула... Жизнь Альбины Богуславской сложно было назвать счастливой: переезд в ненавистную Москву, квартира нещадно эксплуатирующей ее тетки, нелюбимая работа. Но все стало еще хуже в день, когда тетку убили у нее на глазах, а сама она чудом избежала смерти. Теперь основная задача девушки — выяснить, кому и зачем понадобились их жизни и какую роль в этом играет недавно сбежавшая из больницы, где она работает, раненая пациентка с необычным старинным перстнем на пальце... Ранее роман был издан под названием «Убить, чтобы воскреснуть».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-099670-4

© Арсеньева Е. А., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Елена Арсеньевна Арсеньева

Перстень Андрея Первозванного

© Арсеньева Е.А., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

В основу романа положены реальные события.

Автор выражает глубокую признательность хирургу Н.Г.П., работникам Нижегородской областной прокуратуры, а также дорогому африканскому другу Алесану А. Сулайе за помощь в работе над книгой.

Часть первая

Альбина

Длинные белокурые пряди, разметавшиеся по полу, были первым, что увидел Гаврилов, когда загнал наконец прыгающий ключ в скважину и справился с замком.

В узком длинном коридоре горел свет. В другое время Гаврилов затосковал бы по поводу такого расточительства электроэнергии, но сейчас он видел только эти волосы на полу рядом с кухонной дверью.

Гаврилов шатнулся назад, невольно выпустив поводок. Задира Мейсон радостно кинулся вперед, огласив затаившуюся тишину хозяйственным лаем, обнюхал локоны неизвестной блондинки, вцепился в них зубами, рванул – и засеменил своими коротенькими ножками к хозяину, волоча за собой спутанные пряди.

Гаврилов обморочно зашарил холодеющими пальцами по стене, силясь за что-нибудь уцепиться. Сейчас Мейсон вытащит в коридор отрезанную, жутко окровавленную голову...

Пес твякнул, требуя внимания. Гаврилов повел помутившимся оком – и увидел у своих ног длинноволосый парик.

«Тьфу ты, пропасть!»

Прохладная спасительная струя сквозняка коснулась лица. Дышать стало легче, и все-таки он не переставал ожидать каких-то пакостей...

Вот именно об этих пакостях, которые следует ожидать, и думал Гаврилов те несколько минут, пока на трясущихся ногах бежал по двору и трясущимися же руками пытался отпереть дверь. Мысленно он готовился к самому худшему. Скажем, что вся квартира окажется обчищена. Но, судя по прихожей, где на вешалке, рядом с каким-то неведомым женским пуховиком, висит дорогуший кожан Рогачева, вещи не тронуты.

Однако сейчас до Гаврилова постепенно доходило, что существует нечто худшее, чем ограбление, и это худшее может его подстергать.

Гаврилова просто-таки затрясло от мрачных предчувствий и от неистового желания оказаться сейчас дома, в тепле и уюте, перед телевизором, где шла бы очередная «классика советского кино»: тоже теплая, уютная и необременительная. Знать ничего не хотелось о разбитом стекле, так внезапно бросившемся Гаврилову в глаза. На беду, можно не сомневаться!

Хотя, с другой стороны, собаку-то все равно выводить надо было. У него уже вошло в привычку выгуливать Мейсона на этом пустыре между торцом панельной пятиэтажки и фасадом аналогичной девятиэтажки – правда, недостроенной. Никому и в голову не могло бы прийти, что Гаврилов здесь не только собачку пасет, но и Рогачева!

Привереде Мейсону этот пустырь жутко не нравился: здесь оставляли свои многозначительные следы доги, сенбернары и разные прочие овчарки – этакие собачьи авторитеты. А карлик Мейсон, смесь болонки с дворняжкой, хоть и знал свое место в собачьей иерархии, все-таки терпеть не мог, когда его в очередной раз тыкали носом в это самое: с дворняжым-то рылом в сенбернарский ряд!

В этом он вполне походил на своего хозяина, который место свое на свете вообще и в московском мегаполисе в частности знал отлично (Гаврилов служил во вневедомственной охране маслозавода и был первым кандидатом на сокращение), однако не выносил чужого превосходства. Именно эти качества – барственность и неприкрытое превосходство над всем остальным миром – и взбесили его в человеке, месяц назад пришедшем смотреть квартиру, которую сдавал Гаврилов. Фамилия нанимателя была Рогачев, однако Гаврилов, который накануне смотрел по телевизору старый-престарый, хотя и подкрашенный фильм «Идиот», счел, что незнакомца следовало бы назвать Парфеном Рогожиным и никак иначе. Рожа у него была этакая – *рогож-*

ная, с багровыми пятнами на щеках и опасным, затаенно буйным взглядом. Если бы Гаврилов не родился на свет бесталанным подкаблучником, он сразу дал бы Рогачеву-Рогожину от ворот поворот. Но... где черт не сладит, туда бабу пошлет: благоверная принялась незаметно тыкать в бок, щипать за ляжки – словом, всячески обозначать телодвижениями то, что она обычно выражала словами: «Ну чего цену ломишь? Сам знаешь, сейчас денег у народа – тьфу или чуть больше, ну кто тридцать тысяч отдаст за панельную хрущобу, да еще на первом этаже, да еще с видом на пустырь? Уже год никому ее втюхать не можем. Сбавляй, сбавляй цену-то, не то упустим хорошего человека!»

– Тридцать? – спросил в эту минуту Рогачев, бегая разбойничьим взглядом от Гаврилова к его напрягшейся в улыбке супруге. – А торг уместен?

– Уместен, уместен! – так и завилась винтом Гаврилова половина, а сам он...

Господи, стоит только представить себе, что его жизнь обошлась бы без тревог сегодняшнего вечера, покажи он себя тогда настоящим мужчиной, – и плакать хочется!

– Уместен, отчего же? – буркнул Гаврилов – и с облегчением ощутил, как супруга разомкнула на его тощем бедре пальцы, уже готовые к новому щипку.

По лицу Рогачева даже подобия довольной улыбки не скользнуло! Выложил задаток (сошлись на половинной цене) – и по-хозяйски двинулся «занимать апартаменты», как он выразился. Гаврилов, окончательно придавленный словом «апартаменты», тащился в кильватере, поскуливая что-то насчет цветочков, которые надобно поливать два раза в неделю отстоянной водой; штор, которые хорошо бы задегивать, когда включаешь свет, чтобы всякая шпана не зарилась на обстановку; да еще чтобы чистота блюлась в квартире, как физическая, так и нравственная, – в том смысле, что соседи недовольны, что жилплощадь сдается, значит, жить будет абы кто; ну и, конечно, чтобы хозяин, ежели он без предупреждения наведается проверить, как и что, не оказался в неловком положении, столкнувшись с какой-нибудь...

Рогачев стал столбом, так что Гаврилов на полном ходу врезался в его широкую спину.

– Соседи умоются! – бросил новый квартиросъемщик загадочную фразу. – А если тебя вдруг занесет без спросу...

Он не стал продолжать – только повел могучим кожаным плечом, но Гаврилов всегда славился тонкостью восприятия.

И ведь послушался он Рогачева! И ведь не заглядывал в собственную, от родителей доставшуюся квартиру ни единого разочку за весь этот месяц... до той поры, когда, выгуливая Мейсона, увидел вдруг зияющую трещину в окне на первом этаже – как раз напротив щели между неплотно задернутыми (а ведь просил же! А ведь нарочно же предупреждал!) шторами.

«Соседи умоются... соседи умоются...» – эти слова так и тикали в голове Гаврилова все те долгие минуты, пока он стоял в коридоре, напряженно глядя в стену, словно хотел проникнуть сквозь нее взором и разглядеть, что делается в комнате. Почему-то страшно было шагнуть.

Ну а Мейсон, убедившись, что хозяина не интересует находка, оставил возню с париком и, брезгливо скалясь, засеменил по коридору. У входа в комнату он вдруг замер, потом сел на задние лапы, задрал бесформенную кудлатую голову – и протяжно завыл незнакомым толстым голосом.

Мурашки ринулись играть в пятнашки на спине Гаврилова, и он принужден был вновь схватиться за стену. Однако кое-как справился с противной слабостью и на подгибающихся ногах дотащился до комнаты.

Шикнул на Мейсона. Однако тот, как профессиональная плакальщица, просто не мог остановиться, не доведя дела до конца, и продолжал выть.

Гаврилов осторожно заглянул... и схватился за грудь, увидав два полуголых тела, распростертых на полу в луже крови.

Стиснул руками горло, подавляя попытку ужина вновь вырваться наружу. Со странной отчетливостью он различил у себя во рту вкус вчерашних разогретых, слишком жирных оладий, задубевших от соли прошлогодних огурцов и яичницы из трех яиц с непрожаренными кусочками сала. Все это было залито сверху кружкой чаю, вкус которого тоже чувствовался самостоятельно.

Гаврилова мутило, ему было плохо, однако он почему-то не мог отвести глаз от волосатой, кустистой спины мужчины, придавившего всей тяжестью коротко стриженную женщину с грубоватыми чертами лица.

«Ее парик!» – понял Гаврилов, и от этого на диво логичного умозаключения муть перед глазами слегка прояснилась. Он смог даже осознать, что женщину видит впервые... в отличие от мужчины. Да, Рогачев запомнился в авторитетном кожане, а не в этих цветастых трусах, но это был он, постоялец! А в следующий миг Гаврилов разглядел аккуратную дырочку пониже левой лопатки Рогачева – и понял, что оконное стекло было разбито не по рогачевской небрежности и даже не хулиганским камнем.

Оно было разбито выстрелом!

* * *

– Одной пулей, говорят, их и положили – вместе, разом, – торопливо бормотала тетя Галя, всовывая Альбиныны руки в рукава халата. – Да скорей же, ну чего копаешься! Этого-то, мужика, насмерть под лопатку, прямо в сердце, ну а бабу его – тьфу, пакость! – в правое плечо. Рана-то легкая, навывлет пуля прошла, кость не задета, но она башкой стукнулась, когда падала, – вот и отшибло память.

– Ее, значит, уже и допрашивали? Да тише ты, не дергай так! – Альбина вырвалась из бесцеремонных тетушкиных рук и, изогнувшись, сама завязала сзади халат. – И что она сказала?

– Допрашивали, а как же, – кивнула тетя Галя. – Опер тут с утра парился, ждал-ждал, не пил, не ел. Так в нее и вцепился, лишь только доктор разрешил. А она глазоньки вылупила: знать ничего не знаю и ведать не ведаю, даже имени своего, не говоря уж о том, как оказалась с простреленным плечом под убитым мужиком!

– Что, серьезно? – Альбина так и замерла с руками, воздетыми над головой. Накрахмаленный чепчик повис в воздухе. – Так-таки ничего не сказала?

– Ни-ни! Следовательно как только не изворачивался, чтобы ее пронять, да все впустую. Одни охи: не знаю, не помню, не имею представления. Там, в полиции, небось думали, что она в курсе, кто стрелял в этого, как его, а она-то... Конечно, сотрясение у нее легкое, я сама слышала, как доктор следователю говорил: мало шансов было мозги отшибить, а вот поди ж ты, проверь! Полицейский так и сказал: дескать, пользуясь этим легким сотрясением, она может имитировать какую угодно тяжелую амнезию. А мне кажется, здесь без обману. Ты сама услышишь, как она воет.

– Воет?.. – опасливо оглянулась Альбина. – Как это? Плачет, что ли?

– Говорю тебе! – громким шепотом выкрикнула тетя Галя. – Волком воет! Лежит в темноте, в потолок пялится – и... Ну иди, иди уже! – прекратила она живописное описание, заметив неподдельный ужас, сверкнувший во взгляде племянницы. – Иди, а то я просто с ног валюсь, глаза закрываются.

Глаза у тети Гали между тем совершенно не намеревались закрываться, а были от возбуждения даже слегка вытаращены. И вообще, вид у нее был на диво бодрый и оживленный. Впрочем, это ничего не значило. Альбина отлично знала за своей тетушкой эту особенность: засыпать, едва коснувшись головой подушки. Можно было не сомневаться, что, стоит Альбине оказаться за дверью, тетя Галя щелкнет задвижкой, бухнется на топчан – и мгновенно обнимется с Морфеем, да так крепко, что у Альбины не будет никаких перспектив освободиться

от ночной кабалы, самое малое, до шести утра. Тогда тетя Галя вприскокку прибежит на пост – посвежевшая, отдохнувшая, взбодрившаяся, – а ее многострадальная племянница украдкой переоденется и, страшно зевая, потащится на троллейбусе сперва на Щелковскую, домой: выпить кофе и смыть под душем больничные запахи, а потом, уже на метро, на другой конец города, на Кутузовский – на работу. Совершенно непонятно, почему тетя Галя так уверена, будто Альбина сутками может обходиться без сна. Она жаворонок, у нее пониженное давление – наоборот, ей всякий недосып мучителен. Нет же. «Ты молодая! – вот и весь тетушкин сказ. – Я в твои годы, знаешь... о-го-го! Вообще не спала, ночи напролет с парнями гулеванила!»

Может быть, может быть. Хотя Альбина слабо представляла себе тетю Галю, которая бы «вообще не спала». Скорее, упустив свое ночью, она в полной мере вкушала сладкий дневной сон.

Дневной сон... О, как счастлива была Альбина, когда работала в отделе постельного белья! Тогда ей несколько раз удавалось днем вздремнуть на той роскошнейшей итальянской кровати, что выставлена в витрине универмага, размять на том великолепнейшем разноцветном белье итальянского же производства свои замлевшие косточки, облаченные в чудную, расписанную хвостатыми птицами фланелевую пижаму (made in аналогично). Теперь Альбине приходилось сидеть за огромным столом, уставленным несусветным количеством офисных прикамбасов, и изображать прилежную секретаршу. Конечно, очень может быть, что у таковой должны быть забитые манеры и русский узелок на затылке, но кто сказал, что при этом лицо ее должно быть таким сонным и унылым? А лицо Альбины из-за тети Гали трижды в неделю было очень сонным и более чем унылым, так что она не без оснований опасалась, что боссы универмага уже ищут ей замену.

Ищут! Да таких замен в Москве – только свистни!

А тетушке ведь не возразишь. Сразу такое начнется... Ладно, лучше об этом не думать. Лучше верить в то, что вчера сказала Катюшка Калинина: «Если кого уволят, то явно не Богуславскую. У нее глаза до того лживые, что даже правдивыми кажутся. А начальство любит тех, у кого светлые, прозрачные, правдивые глаза!»

Альбина с трудом подавила желание свернуть в ординаторскую, чтобы там посмотреть в зеркало: в самом ли деле у нее такие глаза, как сказала Катюшка?

Сейчас, впрочем, было не до физиогномистики. Надлежало как можно скорее оказаться рядом с пятой палатой, где лежала раненая женщина и где, собственно говоря, и было предписано находиться тете Гале (в данном случае Альбине) большую часть ее ночного дежурства.

Осторожно приоткрыла дверь и постояла, вглядываясь в темноту.

Кое-что все-таки можно было увидеть, даже не зажигая ночника: на улице полыхала могучая реклама банка. Вот интересно, подумала Альбина, говорят, будто этот банк рухнул, а реклама светит как ни в чем не бывало. Все равно как свет умерших звезд доходит, можно было бы сказать, перефразируя бывшего великого поэта. Или вот еще подходящая цитата: «Он умер, но дело его (реклама его) живет!»

Глаза постепенно привыкли к полумраку, и Альбина разглядела две кровати по стенкам узкой палаты. Около каждой громоздилось таинственно мерцающее шаткое сооружение: капельница. По информации тети Гали, обе эти капельницы были нужны как мертвому припарка. Больная слева лежала без сознания и могла отдать богу душу каждую минуту. Ну а справа находилась загадочная незнакомка. Ранение ее, строго говоря, относилось к разряду легких, сотрясение – тоже. Но все-таки жертва преступления, все-таки с амнезией... капельница была поставлена как бы для очистки врачебно-полицейской совести.

Ну, вперед!

Альбина осторожно вошла в палату и постояла над умирающей. Господи, сделай так, чтобы эта бедняжка не скончалась нынешней ночью! И опять мысли вернулись на привычный круг. Все-таки со стороны тети Гали жестоко подвергать племянницу таким испытаниям! Что

из того, что Альбина живет в ее доме? Она платит тетке не меньше, а то и больше, чем если бы снимала комнату у посторонних людей. Конечно, тетя Галя чуть что – сулит оставить квартиру племяннице... после своей смерти. Но ей едва-едва пятьдесят, а с таким несокрушимым здоровьем она еще о-го-го сколько проживет! Пусть живет, конечно... Вообще-то, это была тети-Галина идея, чтобы Альбина, приехавшая на завоевание Москвы, поселилась «у родного человека». Кстати, идея этого завоевания тоже не Альбине принадлежала, а тети-Галиной сестре, матушке Альбининой. Сама-то она предпочла бы остаться в любимом Нижнем Новгороде, ну а уж если в Москве, то поселиться в общежитии. Может быть, и прижилась бы там, и полюбила бы пединститут, куда поступила опять же по матушкиному настоянию и где отучилась, так и не поняв, зачем, собственно, время тратила? Все эти книги, которые изучали на филфаке, она и сама могла бы прочесть, в порядке личной инициативы, а идти работать в школу Альбина никогда не собиралась. Вот уже третий год перебивается случайными заработками, которые почти все уходят тете Гале. Можно, конечно, вернуться домой, в тихий, а по сравнению с Москвой – просто-таки безжизненный Нижний Новгород, но маманя ведь на мелкие полешки испилит неудачницу, которая так и не смогла закрепиться в столице, а главное – перетащить туда мать. Всю жизнь Алина Яковлевна мечтала поселиться в Москве. То, что мечту осуществить самостоятельно не удалось, как-то микшировалось, а вот Альбину за ее неудачливость матушка поедом будет есть! Нет уж, лучше оставаться при тете Гале. Она ворчлива, конечно, и не без вздорности, и скуповата порою до тоски, но против ее сестрицы – это просто шелест утреннего ветерка по сравнению с февральскими завихрюхами!

Альбина оглянулась на раненую. Вроде бы спит. Слава богу. Не слышно жуткого воя, которым грозила тетя Галя. Еще этого не хватало! И так боязно подойти к ней. Хорошо, если бы раненой ничего не понадобилось ночью: ни поильник, ни, наоборот, утка. Хорошо, если бы ночью вообще ничего никому не понадобилось!

Увы, так не бывает. Ладно, Альбина согласна поухаживать за раненой, только бы умирающая как-то протянула ночь.

Склонилась над опасной больной и вслушалась в ее чуть уловимое дыхание. Кажется, еще никому на свете Альбина так искренне не желала здоровья и долгих лет жизни, как этой почти незнакомой старухе! А тетя Галя все-таки дура. Сама себе яму роет. Или забыла, чем для нее закончилось вот такое же дежурство Альбины над умирающим в кардиологии? Строго говоря, она почти и не дежурила: у постели дремала на стуле жена инфарктника, а Альбина воспользовалась минуточкой – и прилегла на диване в коридоре. И вдруг – вопль:

– Сестра-а!

Альбина суматошно подхватила: неужели игла капельницы выскочила из вены? Вроде бы все проверено... Но тут же до нее дошло: о капельнице так не кричат, таким голосом. И на бегу грохнула кулаком в дверь ординаторской.

Выскочил дежурный доктор: помятый, всклокоченный, – видно, тоже пытался урвать минутку блаженного сна. Засветиться перед этим доктором Альбина не боялась: он был из интернов, никого из сестер толком не знал.

Вместе они на рысях понеслись в палату, откуда исторгались непрекращающиеся крики. Одного взгляда хватило понять: с капельницей-то все в порядке. А вот с больным...

Выпихнули рыдающую жену в коридор и взялись откачивать бедолагу. Ночь глухая за окном, но сна как не бывало. И кололи его, и непрямой массаж сердца делали. Наконец доктор отчаялся и притащил дефибриллятор. По тому, как задумчиво разглядывал он матово мерцающие круги, Альбина поняла, что знакомство его с этим инструментом шапочное. Не исключено, даже еще более шапочное, чем Альбинино: она хотя бы видела действие дефибриллятора в кино «Забытая мелодия для флейты».

Конечно, можно было уже и не мучиться: душа несчастного инфарктника явно не стремилась вернуться в покинутое тело. Но молоденький интерн еще не забыл клятву Гиппократы,

а потому сухим, ломким голосом приказал Альбине прижать дефибриллятор к неподвижной груди больного (только ни в коем случае не касаться металла!), а сам он будет пускать ток.

– Заряжается, есть пять киловольт!

Альбина изо всех сил притиснула круг к худой, ребристой груди, замершей в последнем вздохе, покрепче уперлась ногами в пол. Она ждала команды «Разряд!», и все же та прозвучала внезапно. Альбине показалось, будто этот самый разряд прошел сквозь ее тело.

А вслед за тем случился кошмар! Оказывается, кадры художественного фильма имели очень слабое отношение к действительности, потому что тело не просто резко, конвульсивно вздрогнуло. Нет! Конечности покойника взлетели высоко вверх – и руки заключили Альбину в жуткое объятие.

Конечно, длилось оно только миг – потом мертвые руки бессильно соскользнули и упали на пол, – однако этого мига вполне хватило, чтобы Альбина испустила дикий, нечеловеческий крик, перебудивший все больных в отделении. Всех – кроме несчастного инфарктника. И злополучной тети Гали.

С воплем «Что вы делаете, звери?!» в палату вбежала жена умершего. Бог знает, что ей померещилось, когда она увидела Альбину, в глубоком обмороке лежащую на груди покойника...

Потом был скандал. Его, к счастью, удалось замять. Тетю Галю чуть было не уволили, однако положение с медперсоналом было таким напряженным, что засоню оставили – только перевели в хирургическое отделение. Не меньше месяца – но и не больше! – Альбина весело и оживленно исполняла свою роль в витрине. А потом тетя Галя взялась за старое...

Альбина вздрогнула. Почудились шаги в коридоре? А что, если дежурный врач не такой уж лентяй, каким живописала его тетя Галя, и все-таки отправился на обход?

Скрипнула кровать. А вот этот звук уж точно не послышался. Шевельнулась раненая. Тихо застонала, пытаясь повернуться на бок.

Альбина пересилила себя – и склонилась над постелью:

– Вам что-нибудь нужно? Хотите пить? Нет, лежите на спине, на бок лучше не надо, а то повредите рану.

– Ты... кто? – выдохнула больная. Какой у нее хриплый, тяжелый шепот! Совершенно мужской. Неужели правда все то, что украдкой, захлебываясь от возбуждения, бормотала тетя Галя? – Ты кто такая?

– Сестра, – шепнула Альбина, всматриваясь в грубоватые черты. Ну и что, это еще не показатель. Некоторые женщины умеют наживать себе с годами такие личики...

– Чья? – опасливо спросила больная. – Будешь уверять, что у меня еще и сестра есть?

Альбина растерянно моргнула.

– Да нет, дежурная сестра. Вы ведь в больнице – неужели и этого не помните?

– А еще чего? – жадно спросила незнакомка. – Чего я еще не помню?

– Ну... не знаю, – пожала плечами Альбина. – Говорил же следователь, будто вы очень многое забыли после удара головой.

– По-нят-но... – протянула больная. – То-то, смотрю, башка раскалывается, просто спасу нет. А где это я так тресну...

Больная запнулась, не договорив. У Альбины мороз по коже прошел. Интересная заминка!

В синюшном, бледном полусвете банковской рекламы она отчетливо видела, как больная ощупывает себя дрожащими руками. Движения были беспорядочны, путаны. Точь-в-точь так обирают себя умирающие, но глаза у больной блестели хоть и мрачно, но вполне живо.

Первым делом она ощупала длинные белокурые пряди, разметавшиеся по подушке и ее плечам. Один затейливо закрученный локон поднесла к глазам и даже понюхала.

– Парик, что ли? – спросила себя и с удовольствием констатировала: – Точно, парик.

Альбина непроизвольно кивнула. Тетушка говорила, что парик этой странной особе оставили нарочно. В приемном покое заартачились было, но полиция настояла. Дескать, надо учитывать каждую мелочь, которая позволит памяти вернуться.

Больная намотала на кулак роскошные кудри и дернула. Парик полетел на пол, а она принялась левой рукой ощупывать свою коротко остриженную голову.

Альбина пожала плечами. К чему вообще этот парик? Такие тифозные стрижки теперь носят очень многие, а если мелировать челку, вообще вид бывает очень даже недурной. Правда, челки у незнакомки не было: короткие волосы жестко топорщились надо лбом. Но все-таки ей без парика лучше. Белокурая путаница придавала лицу неприятное, лживое выражение. А так, пусть и грубоваты черты, но довольно приятны. Хотя...

Хотя без парика она еще больше похожа на мужчину.

Между тем раненая продолжала исследовать себя. Осторожно, чуть касаясь, трогала повязку, стягивающую правое плечо. На лице выражалась досада.

Рука скользнула на грудь, на живот и ниже.

Альбине стало неловко. Эта женщина с таким недоумением ощупывала собственное тело, как будто не могла его узнать! А ведь небось все, что с этим телом сделано, произошло с ее собственного согласия. Впрочем... впрочем, амнезия порою вытворяет с людьми странные штуки.

Стоп... А что, если амнезия тут вообще ни при чем?! Недавно Альбина видела по телевизору, в «Секретных материалах»: одновременно подстрелили преступника и полицейского, и когда врачам удалось одолеть клиническую смерть (кстати, не без помощи дефибриллятора!) и вернуть полицейского к жизни, в него каким-то образом вселился дух умершего преступника и начал принуждать совершать всякие гнусности, доведшие в конце концов опять до смерти. А тетка что-то такое говорила, будто эта женщина – или как ее там? – была ранена той же пулей, которой убили какого-то мужчину. Но что, если незнакомка тоже была убита? Что, если в миг убийства душа того человека вылетела из тела и через рану вселилась в новое? Теперь она обитает в новом теле, но никак не может понять, что же с ней произошло, куда она попала? То есть перед Альбиной сейчас находится мужчина, переселившийся не просто в тело женщины, а...

Альбина мысленно постучала себя по лбу. Все, конечно, гораздо проще. Говорят, операция вроде той, которую перенес (перенесла) этот (эта)... особа, стоит безумных денег. Скорее всего, она (бывший он) просто беспокоится, все ли новоприобретенное на новом месте.

А может, тетя Галя, как всегда, что-нибудь напутала или наврала – с нее станется! – и перед Альбиной лежит самая обыкновенная женщина?

– Слушай, сестра! – В голосе чуть ли не рыдание. – А я – кто?

– Трудно сказать... – наконец проронила девушка уклончиво. А и правда – трудно! Не брякнешь ведь вот так, с бухты-барахты: «Вы – мужчина, транссексуал, недавно перенесший операцию по перемене пола!» – Вы ведь ничего о себе не рассказали. На все вопросы полиции отвечали, что ничего не помните.

– Не помню, век воли не видать! – кивнула раненая (Альбина, умаявшись тасовать прилагательные, глаголы и местоимения из рода в род, решила все-таки принять за основу женский). – Они мне: каковы, мол, отношения с Рогачевым, как попала в его квартиру и кто в него стрелял? А я ни бэ ни мэ! По идее, что-то ведь должно шевельнуться в мозгах, если его на мне чуть ли не без штанов нашли, а меня под ним, как говорят, и вовсе... – Она махнула рукой. – Ни-че-го! Ничегошеньки! Показали мне его фотографию – опять же абсолютный нуль. И вот сейчас лежу, мозги тасую, выжимаю, наизнанку выворачиваю – а ни капли информации. Кошмар прямо! Единственное, что помню, – какую-то девочку в белой шубке. Стоит, сапожком снег ковыряет... лет семи девочка. Глазки такие светленькие. И волосики светленькие, кудерьками из-под шапки...

Шепот стал бессвязен и неразличим, а потом и вовсе стих. Больная замерла с закрытыми глазами, слабо перебирая простынку крупной красивой рукой. На среднем пальце мерцал перстень – массивная печатка. Об этой печатке Альбина тоже была наслышана от тетушки. Дескать, перстень красоты и ценности невиданной, с рельефной платиновой вставкой. Полиция будто бы пыталась снять его – в целях, так сказать, пуцей сохранности личного имущества потерпевшей, – да не удалось. Только если с пальцем – такросло кольцо. А в нем не меньше тридцати граммов золота!

Алчный шепоток тети Гали прошелестел в памяти – и утих.

«Девочка со светлыми глазками, – задумалась Альбина, – в белой шубке... Может быть, у нее была дочка? Надо бы про эту девочку тете Гале сказать, пусть сообщит следователю. Наверное, это хоть какой-то след...»

Охотничья мысль была прервана порывом сквозняка. У Альбины зашевелились на шее легкие прядки, выпавшие из чепчика, а по спине снова пробежал озноб. Даже не сознавая, что делает, она невесомо отпрянула в сторону – в темноту, не тронутую мертвенными рекламными отблесками.

Фигура, стоящая в проеме двери, была неразличимо темна, однако белизну халата Альбина заметила при слабом освещении из коридора.

Так и есть. Врач притащился.

Альбина уцепилась за спинку кровати, чтобы не сбежать панически и не угробить все дело. «В случае чего скажу, что я из другого отделения, – решила быстро. – Скажу... скажу, что следователь, который сюда днем приходил, – мой знакомый, сосед, что ли, и он просил приглядеть за этой странной пациенткой».

Мысль показалась замечательной. Нет, все-таки она себя патологически недооценивает! Не столь уж она беспомощна и не приспособлена к жизни, как наперебой талдычат матушка с тетушкой! Только вот вопрос: первой поздороваться с доктором и начать объясняться или подождать взрыва его изумления?

Нет. Не стоит суетиться. Тем более что он, кажется, и не замечает Альбину в ее укромном уголке за кроватью. И вообще, доктор вроде бы не расположен к длительному осмотру. Может быть, он сейчас повернется – и...

Не повернулся, увы. Но и не сделал шага в палату. Стоял на пороге, пытаясь проникнуть взглядом сквозь синеватую полутьму.

Задремавшую больную, похоже, обеспокоил свет из коридора. Она приподнялась, опираясь на левую руку:

– Сестра? Сестра? Это вы? Пить мне дайте.

Альбина подавила милосердный порыв. Сейчас, сейчас. Вот только закроется за доктором дверь.

– Эй, кто там? – В голосе раненой зазвучал испуг. – Вам чего? Вы доктор, что ли? Ну так дайте попить.

Человек, стоявший в дверях, вошел в палату.

– Дашенька... – шепнул он чуть слышно, и Альбина почувствовала, как защемило вдруг сердце.

Кто такая эта Дашенька, чье имя он произносит с такой болью? А, вон что. Доктор перепутал ее с какой-то другой медсестрой.

«Я не Дашенька», – чуть было не заявила она, но онемела, услышав мучительный стон раненой.

Странная женщина уронила на подушку голову и забила по постели здоровой рукой. Игла капельницы вырвалась из-под полоски пластыря, но больная этого даже не заметила. Тело выгнулось дугой, с губ срывались бессвязные, хриплые звуки:

– Ты... ты пришел! Нет, нет, не надо больше! Отпусти, я не... Отпусти!

Альбина едва узнала голос раненой, так сдавил его страх.

– Тише, тш-ш! – успокаивающе шепнул доктор. – Я пришел за тобой. Пора домой возвращаться. Домой, понимаешь?

– Нет, нет! – Стриженная голова мучительно заметалась по подушке. – Больше не надо, не трогай меня!

– Вставай, вставай! – настойчиво шептал доктор. – Пора идти...

Раненая начала приподниматься, жалобно постанывая и поохивая.

– Нет, не хочу, не хочу! – слабо бормотала она, однако послушно спустила на пол босые ноги – и вдруг резко повернулась к Альбине, застывшей в полутьме так неподвижно, что она и сама, чудилось, забыла о своем существовании. – Сестра, сестра! Не отпускай меня! Спаси!

Альбину залило холодным потом от головы до пят.

Доктор угрожающе набычился, вглядываясь в нее, – и вдруг, вздрогнув, вскинул голову, замер, вслушиваясь в торопливые шаги, доносившиеся из коридора.

На миг Альбина увидела его четкий профиль, словно бы начерченный в ночи раскаленным лезвием: нахмуренный лоб с упавшей на него светлой прядкой, хищный нос, твердые губы. Нервно дернулась щека, и доктор прижал угол рта пальцем.

«У него тик, – подумала Альбина. – Нервный тик».

– Иду, иду, иду! – послышалось сладенькое пение тети Гали, и Альбина едва не рухнула где стояла, такое вдруг навалилось облегчение. – А я только на минуточку отвлеклась, список утренней раздачи лекарств проверить. Иду, Иван Палыч, вы не беспокойтесь, это я племяншку свою просто на всякий случай вызвала, присмотреть за раненой... Ой, это не Иван Палыч? Доктор, извините! Вы кто? Вы кто? Из какого отделения?

Незнакомец резко обернулся к палате.

– Я еще приду, – достиг слуха Альбины его напряженный шепот. – А теперь – спать. Слышишь? Спать!

Послышался тяжелый скрип кровати. Альбина увидела, как раненая тяжело, боком, рухнула на подушку. Дыхание с хрипом вырывалось из груди. Она и правда уснула!

Альбина перевела взгляд на дверь – и вздрогнула.

Никого! Странный доктор исчез!

Альбина покрепче сцепила зубы, чтобы подавить дрожь. В ушах все еще звучал этот шепот: «Дашенька...» – и сдавленный хрип раненой. Вот странно: незнакомец назвал больную таким хорошим, ласковым именем, звал ее домой, а она так испугалась.

– Алька, ты здесь? – Тетушка, подслеповато щурясь, заглянула в палату. – Алька!

– Здесь я, здесь, – Альбина шагнула вперед, как всегда, раздраженная этой собачьей кличкой, которая не сходила с теткиного языка. При этом Галина Яковлевна натурально на стенку лезла, если кто-то называл ее Галькой. – Тише, не шуми. Всех перебудить.

– Кто это был, а? – Тетя Галя закрыла за собой дверь и зажгла ночничок.

Альбина перевела дыхание. Только сейчас она поняла, как давила, как угнетала эта синюшная мгла! Устало пожала плечами:

– Откуда мне знать? Доктор какой-то.

– Док-тор? – Тетя Галя с сомнением покачала головой. – Если доктор, чего же он так чесанул от меня по коридору? Только пятки засверкали. И не к лифтам, а к боковой лестнице, чтоб на черный ход... Интересно!

Альбина промолчала. Хотелось прекратить этот разговор как можно скорее. Какая-то темная жуть шевелилась в душе, стоило только вспомнить его шепот – и как рухнула на подушку раненая женщина, как зашлась тяжелым сопением...

– Сестра! – донесся лихорадочный шепот. – Сестра, ты здесь?

– Тут я, тут! – успокоительно зажурчала тетя Галя. – Чего тебе? Уточку? Или попить?

Раненая припала к поильнику, сделав несколько жадных, хлюпающих глотков. Отстранилась. Вытерла рот рукой. Слабо блеснул перстень... И вдруг вцепилась в халат тети Гали:

– Спасите меня! Спрячьте меня! Не пускайте его!

Тетя Галя, от неожиданности едва не брякнувшая наземь поильник, с профессиональной ловкостью высвободилась:

– Да ты что? Нет тут никого. О чем ты?

– Не знаю... не помню!

Больная опрокинулась на спину. Перекатила голову по подушке, завела глаза к Альбине:

– Но тут был кто-то. Вот она видела. Видела, ну скажи?

Альбина, перехватив молниеносный тети-Галин взгляд, нерешительно покачала головой.

– Не было тут никого, – выдавила она и чуть не сморщилась, до того фальшиво прозвучал ее голос.

Тетя Галя досадливо причмокнула. Поверила ли больная, осталось неизвестным. Она зажмурилась; из-под крепко сжатых, дрожащих век медленно выползла слеза.

Альбине стало стыдно. Ну чего они с теткой издеваются над этой бедолагой, у которой и так ничего нет: ни имени, ни памяти, ни даже пола? Чтобы как-нибудь дать выход внезапно проснувшейся жалости, натянула одеяло на вздрагивающие плечи, одернула сбившуюся простыню. И с тоской воззрилась на тетю Галю, которая склонилась над второй больной. Неужели тетушка сейчас отправится досыпать и опять оставит Альбину одну? А если вновь заявится тот... доктор?

– А мать твою так и этак! – не то изумленно, не то сердито сказала вдруг тетя Галя. – Надо же, вот старая дура, до утра дотерпеть не могла!

– Что, простыни менять будем? – уныло спросила Альбина.

– Какие простыни! – взвилась тетя Галя. – Ты что думаешь, она обделалась? Как бы не так! Померла, зараза!

Сокрушенно покачала головой:

– Ну, все, кажется, я поспала! Вся ночь псу под хвост. А ну, мотай отсюда, Алька. Чтоб через минуту духу твоего в отделении не было. Черный ход открыт, там пройдешь. Давай-давай, а я за Иван Палычем пошла.

Тетя Галя бесцеремонно вытолкнула племянницу из палаты, хотя никакой особой нужды в том не было: Альбина и сама спешила со всех ног, не чая оказаться как можно дальше. Но не только неиссякаемое желание выпасться вымело ее из больницы как метлой. Страх гнал... страх, что за поворотом мелькнут вдруг широкие плечи, обтянутые белым халатом, бритвенно-четкий профиль с упавшей на лоб светлой прядью, снова послышится отнимающий силы шепот...

Обошлось: никто на нее не накинусь ни на лестнице, ни в коридоре. Альбина даже успела на последний троллейбус, так что не пришлось тратиться на такси. И все же долго еще колотилась дома под одеялом, не в силах согреться и уснуть, снова и снова слыша это пугающее, надрывное: «Дашенька... Дашенька...»

* * *

Первый раз Кавалеров увидел своего отца с вертолета.

Раньше он думал, что самое страшное, виденное им в жизни, – та черная марь на берегу Анадырки. Несколько обгорелых колышков торчали из вечной мерзлоты. Между колышками бродили олени, пощипывая мягкими, замшевыми губами ягель.

Кавалеров споткнулся о колышек и чуть не упал. Рассердился, хотел выдернуть его из земли – не удалось.

– Пупок развяжется, – сказал тогда проводник. – Не выдернешь.

Кавалеров удивился. Земля, что ли, удержит? Мерзлота мерзлотой, а лето на дворе, так и пляшет все под ногами, будто идешь по мшаве где-нибудь на родимой Нижегородчине. И перед ним не бог весть что – всего-навсего колышек, какие забивают, чтобы закреплять углы палаток. Одним ударом топора вгоняют их в землю – чего бы не вырвать?

Просто из озорства попробовал дернуть еще раз. С тем же успехом. Только поясницу заломило. Смех один! На лесоповале такие кряжи ворочать приходилось, а тут на колышке полуметровом мышцу сорвал. Да бог бы с ней, со спиной. Почему-то показалось, что колышек этот уходит в самую глубь земную – далеко-далеко, будто корень давно срубленного дерева.

– Гнали тут колонну, – неохотно пояснил проводник. – Еще в сороковом году. Ну, стали ночевать. Палатки разбили. А среди ночи в одной пожар вспыхнул. Коптилка опрокинулась или еще почему – черт его знает. Пламя мигом перекинулось на другие палатки. Люди выскакивают – горящие люди, бросаются кто куда. Ночь, тундра... человек на три шага отбежит – и поминай как звали. Ну, начальник колонны дал приказ окружить палатки и стрелять. Вот уж правда, что было – из огня да в полымя. Положили всех. И трупы, и недострелянных кидали прямо в пожарище. Потом здесь долго еще песцы да росوماхи хозяйничали, подъедали, что не сгорело дотла. А начальника колонны все равно под суд отдали: мол, многие могли убежать. Сдох где-то на этапе, а может, придавили его, когда слух прошел про те дела...

– Но все-таки ушел кто-нибудь? – спросил Кавалеров.

– А то! – после некоторого молчания буркнул проводник. – Уходили некоторые, рассказывают. Только разве вот так, в чем есть, по тундре уйдешь далеко? Немало косточек окрест белеет среди морошки.

Кавалеров ни о чем больше не спрашивал, только задумчиво смотрел на обугленный столбик посреди бесцветного, как бы пожухлого ягеля. Да уж, неудивительно, что кажется, будто эти невеликие колышки намертво в мерзлоту вросли. Точно, точно – пустили корни и доросли до середины земли, а то и всю ее насквозь пронзили. Проклянулись деревцем на той стороне земного шара, в какой-нибудь благополучной Канаде или вообще в Австралии, хрен бы ее взял. Сидит под тем деревцем благополучненький буржуйчик и в толк не возьмет, отчего видятся ему в сени этого деревца жуткие сны про ночь, про мороз, про пустыню белоснежную, про тощих, измученных людей, бегущих из огня – и нарывающихся на пули... своих же, таких, как они, братьев по крови и рождению. Хотя... есть же присказка: «– Кто тебе выколол око?» – «Брат». – «То-то же так глубоко!»

Тогда Кавалеров еще молодой был, глупый, мало чего знал. Это уж потом он убедился, что на планете Колыма всякое бывает. Как-то раз подрядился в геологическую партию разно-рабочим. Шли на точку, думали, ночевать придется прямо в чистом поле, ан нет – наткнулись на обветшавший барак. Обрадовались: захмарило что-то, уже и дождь начал накрапывать, а в бараке сухо и даже, можно сказать, чисто. Стекла почти все целые – чудеса, словом.

Кавалеров с напарником, еще одним таким же, как он, быстрым эком, вошли в комнату, зажгли фонарь. Вдруг дверь открывается и входит какой-то мужчина. Кавалеров глядит и думает: вроде бы не наш. И не сразу сообразил, что мужик-то – в чем мать родила. И тут они с напарником еще больше удивились. Вслед за тем мужчиной вошла женщина – тоже раздетая. За ней – двое ребятишек. И все молчаливые такие, серьезные! Не глядя по сторонам, прошли по комнате и один за другим исчезли в стене, будто в настесь распахнутой двери...

Было это, было. Окажись Кавалеров тогда один, еще можно бы что-нибудь... как-нибудь... закреститься, что ли. Но вдвоем же оказались! И напарник с таким воем бежать кинулся! Это уж точно не померещилось Кавалерову. А его самого потом еще долго трясушка била, стоило вспомнить.

Но и это оказалось еще не самым страшным. А вот когда вертолет завис в Сусумане над Долиной смерти...

Огромное ледяное поле, на котором почему-то не задерживается снег. Вертолет опустился, как мог низко, поземка взвилась вихрем, отлетела с темного, прозрачного льда.

Кавалеров увидел тела и лица. Лед играл под солнцем, и казалось, будто тысячи людей ворочаются на земле, не в силах встать. Смотреть на это было невыносимо, но Кавалеров все-таки смотрел.

Солнце сходилась и расходилось дымящимися снежными столбами. Меркнул короткий проблеск полярного дня. Что-то трепетало, вздыхало вокруг... то ли рыдало, то ли давилось сухим старческим смехом, Кавалеров никак не мог понять. Он не слышал гула вертолета – а эти звуки, тонко дрожащие в небесах, слышал.

Опять поглядел вниз. Один из тысячи, лежащих там, под слоем льда, резко взмахнув рукой, обратил прямо на Кавалерова взгляд темных, провалившихся глаз. Улыбка чуть коснулась обветренных, покрытых коростой губ.

– Улетаем! Давай отсюда! – закричал кто-то рядом истошным, нечеловеческим голосом, и Кавалеров какое-то время тупо смотрел на человека, который на подламывающихся ногах пытался добраться до пилота, – прежде чем сообразил, что это столичный журналист, ради которого, собственно, и затевалась эта поездка.

Вертолет резко клюнул вниз, и какой-то миг Кавалерову казалось, что они сейчас врежутся в оживший, дышащий, расступающийся лед. Но нет – словно подброшенная некой силой, летающая машинка выправилась, набрала высоту, бодро потянулась на восток, в темноту возвращающейся ночи.

Кавалеров оглянулся. Души тех, что лежали там, подо льдом, реяли на закате, кричали тонкими протяжными голосами, словно птицы, вспугнутые с гнезд.

– Я уж думал, все, гикнемся в эту льдину, – виновато сказал потом, на аэродроме, журналист, суетливо суя деньги и бутылку спирта пилоту и Кавалерову. – Никогда со мной такого не было. Точно – думал, разобьемся!

– Пустой звук, – хмыкнул пилот. – Не бывало еще такого, чтоб в этих местах... Они могилу свою берегут, чужих отталкивают. Хоть на полметра от кромки льда, а вытолкнут машину – только бы от себя подальше.

Журналист смотрел непонимающе, дрожа губами, но пилот только рукой махнул:

– А, ладно. И стыдиться тут нечего. Редко у того, кто это впервые увидит, душа из тела не рвется. Такие крепкие ребята, как этот вон, – кивнул на Кавалерова, – редкость.

Кавалеров ничего не ответил. Отвернулся.

Хвалить его было не за что: у глаз, в горле стояли слезы.

Отец. Так вот где мы встретились, отец!..

Потом он еще не раз приезжал в Долину. Стоял на кромке льда. Хотел пойти поискать отца, но так и не решился. По трупам идти? Он был готов – только не по этим трупам! К тому же опасался, что отец захочет оставить сына у себя, а было еще не время. Не время!

Кавалеров тогда работал в морге городской больницы, сторожем. При морге был анатомический театр мединститута, и Кавалеров иногда видел, как студюзусы потрошат трупы. Сначала молодняк рвет с этого зрелища, а потом глядишь – пьют кефир, булочками закусывают, сидя над распотрошенным человеком и зубря: – Фациес артикулярис супериор... туберкулум майор...» – и всякое такое.

Ходили в морг и врачи. Чаще других Кавалеров видел там одного: низенького, бледного, с вечно потным лицом. Он был похож на старого мальчика и носил смешную фамилию Щекочихин. Вот упертый был мужик! Год, не меньше, самолично вскрывал трупы детей, умиравших один за другим от неведомой, неизлечимой хвори. Это в Магадане был настоящий бич: смерти детей. Не меньше полтыщи померло один за другим. И чуть ли не всех исследовал Щекочихин.

Постепенно Кавалеров с врачом сошелся ближе и даже помогал ему. Ну, трупик подаст, какой надо, внутренности в физраствор сложит. Да мало ли! Ассистировал, словом. Иногда

разговаривали, хотя Щекочихин вообще-то был не говорлив. Но нашел, нашел-таки он причину смертельной болезни! Кавалеров прочел об этом в «Чукотской правде» и со странным тщеславием подумал, что тоже причастен к открытию Щекочихина, который на этом деле защитил сразу и кандидатскую, и докторскую диссертации.

Теперь на прием к Щекочихину началось просто-таки паломничество. Очередь записавшихся растянулась чуть ли не на год, родители больных детей на него молились. Но в морг он ходил по-прежнему. Только стал еще молчаливее.

А потом его как прорвало:

– Сколько я детей спас, а что получил за это? Десятку к зарплате прибавили? На кафедре у всех рожи от зависти оловянные стали. Плевать им на то, что малыши больше не мрут как мухи. Плевать на то, сколько я сил положил, дневал и ночевал в трупарне. Главное, что этот недоносок Щекочихин (они меня так втихаря называют) вдруг р-раз! – и возвысился над ними, р-раз! – и... – Он махнул рукой и огляделся с тревожным, странным выражением. – И никому дела нет, что я чуть не оглох здесь. А главное, мне и самому все это вроде бы уже не важно. Ни радости, ни гордости не ощущаю. Только в ушах по-прежнему звенит...

И он снова огляделся с тем же диким видом, вытягивая шею и тараща блеклые глаза, и без того бывшие навыворот. А Кавалеров тогда впервые подумал, что Щекочихин, пожалуй, немного того... не в себе.

А он все больше привыкал к Кавалерову и разговаривал с ним все охотнее. От Щекочихина тот, собственно, и узнал про Долину смерти, благодаря ему познакомился с пилотом, который согласился бы туда отвезти. Очень, очень советовал там побывать! «Знаешь, – говорил, – какая там аура... Тончайшая, трепетная... Я ездил туда заряжаться. Души заключенных свили там себе гнездо и дежурят, как на посту. Меня они не любят, но все-таки подпитывают».

«Точно, спятил мужик», – опять подумал тогда Кавалеров. Однако потом, поглядев в глаза мертвому отцу, он уже рассуждал иначе. Сходство своих ощущений и слов Щекочихина его поразило!

Потом они с доктором общаться перестали. Кавалерову до того обрыдло в морге, хоть вешайся. Да и Щекочихина он уже видеть не мог, со всеми его фокусами. Тот совсем свихнулся: вдруг начал вводить трупам наркоз. А когда увидевший это Кавалеров чуть не грянулся оземь от ужаса, пояснил с этим своим безумным и в то же время убедительным выражением:

– А разве ты не слышишь, как они плачут, когда я их вскрываю? Маленькие ведь. Младенчики. Больно им... Да не смотри ты на меня, как на идиота! – вскричал вдруг, впадая в один из тех необъяснимых приступов ярости, которые внезапно накатывали на него – и так же внезапно сходили на нет. – Знаю, что говорю. Я как-то разговаривал с рабочими крематория. Так вот: они, отправляя гроб в печь, тоже слышат крики! А как же, закричишь тут небось, когда огонь кругом, когда от тебя в минуту остается один пепел...

Жуткие разговоры, конечно. Однако, если честно, Кавалеров не столько из-за Щекочихина с этой работы ушел, тем более что тот опять изменился, притих, глупости болтать перестал и бросил колоть им наркоз. Платили в морге маловато, а Кавалеров в это время уже твердо решил: пора подаваться на материк.

Сезона два-три он ездил с артелью старателей. Да, вот где были заработки так заработки! Чуть ли не больше того, что некогда случалось Кавалерову выручать за карточным столом. Да уж, на ловкости своих рук он мог бы сделать состояние, но... однажды ловкость эта уже довела его... Вспоминать не хотелось! И он накрепко зарекся, стараясь держать слово.

Однако первые свои честно заработанные деньги Кавалеров спустил, как дурак. Давненько не держал в руках столько деньжищ – вот и ошалел. После возвращения с поля сняли на три дня кабак – и гудели днями и ночами. Кавалеров знал, что такое настоящая гульба. Это когда берешь толстенную пачечку четвертных, на худой конец – червончиков, тасуешь,

будто колоду карт, наслаждаясь взглядами официанток или девок, которые слетались откуда-то на запах деньжищ, как мухи на мед, – а потом поджигаешь этот веер драгоценный. Если пачка тугая, в банковской упаковке, деньги плохо горят. А стоит расшеперить их, разворошить, свободы дать... Вот именно – стоит! Чтоб посмотреть на лица официанток, как они от злобы давятся, от зависти. Потом швырнешь бумажки под стол – и свора готового на все бабья ныряет следом, матерясь похлеще бичей и чуть ли не зубами вырывая друг у дружки смятые денежки с горелой кромкой.

Вот так Кавалеров, вспоминая дни золотые, молодые, и прожег чуть ли не все заработанное. На оставшемся едва дотянул до нового сезона. Но после возвращения он уже в кабак – ни-ни! Все деньги прямиком отнес в сберкассу. Прямо как на плакате получилось: «Кто куда, а я в сберкассу!» И так же поступил в следующий сезон, и в новый, пока не почувствовал: пора уезжать. Подкатил восемьдесят пятый год, и Кавалеров звериным эковским нюхом уловил: скоро, очень скоро повеет ветром таких перемен, что тот, кто посеял этот ветер, сам не будет знать, куда от него, с порывами до штормового, деваться.

Напоследок он, конечно, к отцу съездил – проститься. Мысленно поклялся ему, что все сделает как надо. Однако сам такой уж уверенности не испытывал, поскольку толком не знал, что, собственно, надо сделать.

Мысленно же попросил у отца подсказки. И ответ не заставил себя ждать – прямой и страшный ответ!

Буквально на другой день купил Кавалеров в ларьке «Чукотскую правду» – а там заголовок во всю первую страницу: «Маньяк-убийца арестован! Наши дети отныне в безопасности!»

Да уж, еще та была история... длиной в несколько лет. Раз в три или четыре месяца исчезал ребенок. Маленький, не старше семи лет. Полиция, розыск, то-се... Потом его находили – чтобы похоронить. Когда одного, когда и вместе с матерью, а то и с бабкой или с дедом. Не всякие выдерживали... Трудно выдержать было, не для всяких нервов. Детей насиловали, потом убивали – медленно, мучительно, явно наслаждаясь их смертью. Писали об этом в газетах много, а слухов страшных по городу ходило еще больше. По странному стечению обстоятельств в том окраинном барачном поселке, где жил Кавалеров, погибло двое детишек, один за другим. Он даже их родителей знал, даже выпивал когда-то с дедом, который помер на месте от разрыва сердца, увидев трупик внука.

Да... сказать, что в семье приходило горе, – это ничего не сказать! Эпидемия была своего рода – наподобие той, которую остановил когда-то приятель Кавалерова по моргу Щекочихин. Вот именно! Одну остановил, другую – вызвал.

Странно: Кавалеров как бы и не удивился, обнаружив в газете портрет своего знакомого с броской подписью: «Доктор Щекочихин – спаситель и душегуб». Да, Щекочихин и оказался тем маньяком, который несколько лет держал Магадан в страхе. Врач убийца, злодей, дьявол, монстр... Как его только не называли! За головы хватались: те же руки, что исцеляли, – сверхжестоко лишали жизни!

Это Кавалерову кое-что напомнило. Газетную статейку под заголовком «Врач-убийца». Старую такую статейку – образца 1952 года. Из прошлой, а может, и позапрошлой жизни. Вспоминал ее, вспоминал ту жизнь – и не мог ужасаться поступкам Щекочихина, не мог его судить!

Кавалеров не знал, конечно, как отвечал Щекочихин на вопросы следователей: что, мол, вас заставило, как вы могли – и все такое. Он-то знал – или думал, будто знал. Души тех детей, которые кричали, и плакали, и реяли над Щекочихиным, будто едва оперившиеся птенчики над разоренным гнездом, требовали от него пищи. Требовали жертв... Не зря он потом перестал заглушать крики мертвых. Наверное, привык наслаждаться ими. «Подпитывался» – как там, в Долине смерти. И хотел слышать еще, еще... А потом ему стало мало мертвых голосов – захотелось слышать и живые. Живые крики боли... Жестокость и кровь – они ведь слаще

и приманчивей любого наркотика. Этому Кавалерова научил Щекочихин – и тот был «чудовищу-маньяку», «врачу-убийце» благодарен за это.

И еще было за что вспоминать Щекочихина добрым словом. Теперь Кавалеров знал, что нет ничего ужаснее, чем смотреть на труп своего ребенка – и видеть его рот, полный окровавленного крика.

* * *

Когда Бузмакин покинул наконец витрину, Альбина со вздохом облегчения подумала, что судьба ее, пожалуй, все-таки хранит. И украдкой, тая улыбку, глянула сквозь стекло, стараясь разглядеть того, чей облик на сегодняшний вечер приняла эта самая судьба: крепкого широкоплечего мужчину лет тридцати, широкобрового, темноглазого. В его лице было что-то по-восточному загадочное, но он не кавказец, это точно. Кавказцев Альбина не любила – а кто их любит, кроме правозащитников? Торчат вечно перед витриной, пялятся, похотливо улыбаясь, а то движения неприличные делают, будто прямо вот сейчас приспичило им женщину, а взять ее негде, так что приходится обходиться собственными ресурсами.

Нет, это был не кавказец. Может быть, татарин? А может, просто, как почти у всех русских, столько в крови намешено, что и не определишь, от кого, какого предка достались эти сошедшиеся на переносице брови и нос с горбинкой.

Сама себе не отдавая в этом отчета, она поглядывала сквозь стекло все откровеннее.

– Альбина, как мужик-то на тебя пялится, вон, все глаза уже проглядел, бедный, ну повернись к нему! – где-то с час назад сказала Катюшка Калинина, изображавшая в отделе офисной мебели бизнесвумен, диктующую секретарше какой-то бесконечный приказ.

С чего так заколотилось вдруг сердце? Альбина мгновенно выскочила из роли усердной пишбарышни и обернулась с совершенно непристойным любопытством. Тревожным взором обшарила все обозримое пространство.

Слава богу, это не он! Не тот... Почему, интересно, Альбина с затаенным ужасом ожидала появления перед витриной ночного гостя в белом халате, она и сама не могла бы объяснить. Но отчего-то не сомневалась, что их пути еще пересекутся. Все тело, все существо ее было сегодня наполнено предчувствием чего-то недоброго, тягостным ожиданием какой-то подлости от судьбы. Не Бузмакин ли что-нибудь задумал? Не выговор ли готовит? Шеф всегда праф-ф, а кроме того, к Альбине всегда есть за что прицепиться. Или кошелек потеряет, или с тетей Галей в очередной раз повздорит... Вернее, тетя Галя – с ней... Но больше всего Альбина боялась вновь встретиться с тем человеком, услышать его вкрадчивый, настойчивый шепот.

Не было никаких причин для этого страха, незнакомец ее вряд ли разглядел там, в палате, она твердила себе это опять и опять, но страх не уходил. Так боишься неосвещенного двора со сгустками тьмы возле подъездов. Так боишься неуклонно возвращающегося кошмара. Так боишься странного ночного скрипа или шороха в квартире, где никого нет, кроме тебя. Не можешь объяснить почему, а все-таки страшно до крика!

И по сравнению с тем загадочным, слабо освещенным профилем – даже в пряди, упавшей на лоб, было нечто зловещее! – лицо парня с широкими бровями и темными глазами показалось ей удивительно симпатичным и располагающим. Альбина с некоторым трудом заставила себя вернуться к перебору клавиш компьютера, впервые пожалев, что мебель в витрине переставили – и теперь приходится сидеть к улице спиной. А с утра-то как этому радовалась, вспоминая свое сонное, осунувшееся лицо!

Катюшка понимающе кивнула и, поправив на переносице очки, которые совершенно изменяли забавное, легкомысленное выражение ее личика субретки на хищно-уверенное выражение деловой женщины, раскрыла громоздкую синюю папку и принялась диктовать Альбине. Уж и не счесть, сколько та перепечатала рецептов красоты, фантастических диет, советов по

сексуальной акробатике и даже страниц из любимых Катюшкиных дамских романов! На сей раз в синюю папку была виртуозно запрятана газета, почему-то вдруг решившая в очередной раз разоблачить «феномен Кашпировского». И вот Катенька, с предельно назидательным видом, вещала совершенно идиотскую историю про девочку Таню, которая однажды решила посидеть у телевизора в то время, как всей стране давалась «установка». Но пока шел сеанс «лечебной коллективной магии», Таня впала в транс, из которого ее удалось вывести с трудом. Ей чудилось, будто она купается в море с дельфинами.

Поскольку дело происходило в приполярном Норильске, родители только подивились богатой фантазии дочери. Однако им предстояло удивиться еще больше, когда в дальнейшем, стоило только кому-нибудь упомянуть фамилию Кашпировского или заговорить о знаменитом телесеансе, Таня вновь впадала в транс. Приступы становились все сильнее, длились все дольше. В это время девочку корежило, бросало с дивана на пол. Даже усилия знаменитого экстрасенса Амурхана Кетоева, специально прилетевшего в Норильск, оказались напрасны.

Тогда начали искать того, кто и заварил, собственно, всю кашу: мага и целителя Кашпировского. Можно представить себе, скольких усилий это стоило!

– «Однажды Таня перенесла особенно тяжелый приступ, который на всех присутствующих произвел настолько тягостное впечатление, что пришлось вызвать психиатрическую бригаду», – монотонно читала Катюшка. При этом она постоянно была, что называется, в роли: то заглядывала Альбине через плечо, словно проверяя, не написала ли затюканная секретарша корову через ять, то озабоченно черкала в своей папке, то задумчиво прохаживалась в витрине, демонстрируя бесценный, хоть и совсем простенький костюмчик от Гальерри и ножки «made in Russia», которые вполне могли быть включены в список национального достояния страны.

– Слушай, он в твоей спине скоро дырку просмотрит, неужели ты не чувствуешь? – пробормотала она с тем же выражением, с каким диктовала текст: – «Наконец прозвучал долгожданный междугородный звонок. Матери, которая вступила в разговор первой, Кашпировский посоветовал впредь не касаться в разговорах с дочерью темы телесеанса. А Тане он просто приказал: «Будь здорова!» – и она очнулась.

После этого девочка чувствовала себя вполне нормально, в транс больше не впадала. Только у Тани вдруг открылся внезапный сочинительский дар: чуть не каждый день она придумывала новую сказку, и почти в каждой действовали дельфины».

– Чушь какая! – Захлопнув папку, Катюшка с брезгливым видом уставилась на экран, словно собственный доклад, отчет или что там она насочиняла, ее совершенно не устраивал. – В жизни не поверю, чтобы голос... какое-то слово... Чтоб из-за этого с ума сойти, вообразить невесту что, забыть, кто ты есть... Из-за какого-то слова! Подумаешь, велика магия: «Будь здорова!» – и она здорова. Очень просто так лечить: «Не пить! Не курить! Похудеть! Спать!»

«Спать!» – резко, на выдохе, шепнул кто-то рядом с Альбиной, и она чуть не ахнула, вспоминая ночные приключения. Нет, напрасно Катюшка не верит в силу слова!

Вдруг нестерпимо захотелось кому-то рассказать о том, что было ночью. И давно надо было это сделать, тогда все беспричинные страхи сразу рассеялись бы. Говорят ведь, что даже дурные пророческие сны не сбываются, если их сразу кому-нибудь рассказать.

– А вот и зря ты не веришь! – оживленно повернулась Альбина к Катюшке – и взгляд ее скользнул по лицу того парня, подошедшего почти вплотную к витрине.

Альбина осеклась, и впрямь ощутив этот взгляд, как прикосновение. Даже щека загорелась, будто от пощечины, а может, и от поцелуя.

Она беспомощно уставилась в миндалевидные ласковые глаза, начисто позабыв, о чем собиралась рассказать Катюшке, и в эту минуту послышался голос, от которого у Альбины затряслись поджилки:

– Не говорил ли я вам, барышни, что в витрине не следует допускать резких движений? Надо двигаться мягко, подчеркнуто женственно!

И Бузмакин, грациозно ступая с носка на пятку, будто балетный танцор, явился в витрине, являя взорам зрителей костюмчик от самого настоящего Версаче – подарок фирмы – хозяйки универмага.

«Много ты понимаешь в женственности!» – усмехнулась Альбина. Девушки-манекены в большинстве своем Бузмакина не выносили, и вовсе не потому, что он позволял себе лишнее, хотя бы в виде намеков. В том-то и дело, что Бузмакин женщинами вообще не интересовался и, будь его воля, вообще ликвидировал бы их как класс, а детей (исключительно мужского пола, причем всех, как один, таких кучерявеньких блондинчиков-херувимчиков) выводил бы только в колбах, минуя младенческий возраст, а сразу выдавая готовый продукт от пятнадцати до двадцати пяти лет. Именно Бузмакин ратовал за сокращение количества девушек в штате манекенов. Будь опять-таки его власть, он их всех повыгнал бы, а нанял бы голубоглазых юнцов. И даже на месте секретарши Альбины сидел бы сейчас какой-нибудь сладенький птенчик, бесстыдно выставив из-под стола кривые волосатые ноги.

За то, что в витрине офисной мебели работали только девушки, следовало благодарить менеджера первого этажа Людмилу Викторовну. Обладая совершенно противоположной боевой раскраской, чем Бузмакин, она активно внедряла девушек куда только могла, и хотя предпочитала ярких итальянистых брюнеток, вроде Катюшки, могла понять, что скромняги шатенки (вроде Альбины) создают приятный для глаз клиентов контраст.

Голубой Бузмакин и розовая Людмила Викторовна вели между собой непрекращающиеся боевые действия, в которых победа шаталась, будто непристойная женщина, от одной стороны к другой. Сейчас она как раз лстиво прильнула к Бузмакину, и тот спешил воспользоваться недолгим перевесом сил.

Даже не нужно особенно напрягаться, представляя, какими были бы последствия, застань Бузмакин Альбину и Катюшку в оживленной, далекой от роли беседе. По витрине расхаживал бы с важным видом очередной бузмаковский кадр, другой кривлялся бы за компьютером, ну а Катюшке с Альбиной пришлось бы забыть наезженную дорожку на Кутузовский.

Однако в данном случае Бузмакин не смог найти состава преступления. А за «неженственное движение» не уволят даже при том гомосексуальном беспределе, который царил в универмаге. Так что придется Бузмакину еще поклацать зубами, поджидая своего часа, когда он сможет вцепиться в Альбину и перегрызть ей горло. А кого надо за это благодарить, кроме судьбы? Того любопытного парня, так и прилипшего к витрине, его настойчивый взгляд!

– Живы вроде? – почти не шевеля губами, пробормотала Катюшка, когда голубой нимб, реявший над Бузмакиным, улетел с витрины.

– Живы, кажись, – так же конспиративно ответила Альбина.

– Ну, коли так, давай взбодримся!

«Секретарша» выбралась из-за стола и походкой девочки направилась за кофе для начальницы и для себя.

Это им разрешалось, потому что кофеваркам, соковаркам и автоматам горячей пищи тоже требовалась реклама, и Бузмакин не нашел ничего лучшего, чем забабахать их в отдел офисной мебели. Может быть, это была тщательно продуманная диверсия? В смысле, злобредный менеджер вполне мог надеяться, что барышни, то и дело прикладываясь к синтетическим супчикам, сдобренным всякими калорийными пищевыми добавками, постепенно растолстеют и потеряют форму?

Ну что ж, основания для такой вот голубой, не побоюсь этого слова, мечты у Бузмакина были. Катюшка с Альбиной рекламировали автомат горячей пищи с превеликой охотой. Супчики были отъявленно вкусные. А кофе – так себе, средней паршивости. Поэтому Альбина нацедила для кофеманки Катюшки дымящейся коричневой жидкости, а для себя – грибного супу, жалея сейчас только об одном: что не может угостить этой вкуснятиной того парня, который упрямо топчется за окном. Замерз небось!

И... интересно, скоро ли он уйдет?

Он не ушел. Однако, когда универмаг закрылся, Альбина его больше не видела. Сразу стало скучно, настроение рухнуло, будто карточный домик. И, главное, уйти нельзя, надо торчать, как дуре, в этой дурацкой витрине! Еще хорошо, что сейчас зима, манекены работают всего на час дольше, чем весь универмаг, а летом пришлось бы кривляться дотемна!

Катюшка мигом заметила ее состояние и прилипла к стеклу.

– Ого, – присвистнула, вглядываясь в темноту, – наш-то друг, оказывается, не из слабо-нервных! Похоже, он крепко клюнул на живца! – Катюшка хихикнула, довольная своим каламбуром. – В смысле, на живого манекена. В смысле, на тебя, Альбуса!

Вообще-то Альбина терпеть не могла, когда Катюшка так ее называла: бабуся какая-то, но сейчас она даже забыла привычно взгрустнуть о том, какое несчастье носить имя, от которого невозможно образовать нормальную уменьшительную форму.

– Ты имеешь в виду... – шепнула нерешительно.

– Да, да! – кивнула Катюшка, упругой походкой возвращаясь к рабочему столу. – Он сел в очень недурственный «фордик» и по-прежнему не сводит глаз с витрины. Иначе говоря, с тебя.

– А может, с тебя? – нарочно усомнилась суеверная Альбина, однако Катюшка со знанием дела покачала головой:

– Вот увидишь!

И Альбина в самом деле увидела: когда истек этот бесконечный час и они с Катюшкой вышли на улицу, нарочно решив обойти универмаг не дворами, как всегда, а с фасада, именно рядом с ней распахнулась дверца молочно-белого «Форда», именно на нее глянули ласковые карие глаза, именно ей было негромко сказано:

– Привет... Можно тебя подвезти?

Альбина растерялась. Его голос из теплой полутьмы салона звучал странно-интимно. Она не была избалована такими приглашениями, такими голосами... И до сих пор еще ныло на самом дне души воспоминание о том, как ее «подвезли» несколько лет назад. Тогда Альбина совсем недавно приехала в Москву и стояла на обочине дороги, поджидая тетю Галю, которая собиралась сходить с племянницей в полицию и оформить временную прописку. Наклонилась дурочка провинциалка к открывшейся дверце «Волги», которая вдруг остановилась рядом. Два парня с невинным видом спрашивали, как проехать к какому-то там заводу, а Альбина попыталась их уверить, что завод этот вовсе не на Щелковской, а на Пресне.

Она и ахнуть не успела, как грубые руки втянули ее в машину – и та понеслась по шоссе под хохот довольных парней.

– Вы что, вы что? – бестолково закричала она – и умолкла, увидев у самой своей щеки кривое лезвие ножа.

– Не шуми, – поморщился рыжий, сидевший рядом с Альбиной, и приобнял ее за плечи. – А то уйдешь вся полосатая. Кому это надо? Лучше ложись по-быстрому, ну?

Альбина от страха впала в какой-то полуобморочный ступор. Голос пропал, а нож, маячивший около щеки, отбивал малейшую попытку сопротивления.

«Перережут горло и выбросят на дорогу!» – эта мысль окончательно парализовала ее сознание и тело.

Не сводя глаз с ножа, она опрокинулась на сиденье, неумело растопырила колени.

– Что, любишь, когда тебя раздевают? – хмыкнул парень, отдавая нож приятелю, который перегнулся с переднего сиденья, внимательно наблюдая за происходящим. – А ну, закинь ногу на спинку! – И небрежно рванул на Альбине трусики.

Легонькая хлопковая одежда распалась на два белых треугольничка. Помахав ими в воздухе, парень брезгливо искривил свое веснушчатое лицо и отбросил жалкие тряпочки.

«Как же я пойду без них?» – ужаснулась Альбина, а потом все тело ее пронзила боль. Она едва успела зажать рот ладонью и проглотить крик.

– Черт! – обиженно воскликнул рыжий, неуклюже привскакивая на колени и принимаясь отирать себя обрывками трусиков. – Да она целка оказалась!

– Повезло тебе, – меланхолически отозвался водитель. – В наше-то время... это не каждому так повезет!

– Блин! Да на хрен мне такое везение! – чуть не со слезами возопил насильник. – Я вон джинсы испачкал кровищей!

– Ну, без крови такие дела не делаются, – философски заметил водитель. – А штаны снять надо было, в штанах кто трахается?

– Хорошо, хоть «молнию» расстегнуть не забыл! – хохотал-заливался темноголовый, стриженный под ноль, сидевший рядом с водителем. – Ой, не могу, держите меня четверо! Чтоб в Москве... посреди дороги... целку подобрать?! Ну, Толик, это только тебе так повезти могло!

– Чего регочешь, козел? – дрожащим голосом огрызнулся рыжий Толик, пихая Альбину так, что она почти скатилась с сиденья и замерла в нелепой позе, трясущимися руками пытаясь одернуть платье. – Кто же знал, что на обочине девочка стоять будет? И юбочка на ней вся прозрачная была, я думал...

– Эй вы, ублюдки! – возопил вдруг водитель, придерживая руль одной рукой и полуоборачиваясь назад. – Хотите сказать, чехлы мне изгадили? Ну, увижу хоть одно пятнышко...

– Ты лучше на дорогу смотри, – предостерег бритый. – Не хватало еще из-за твоих чехлов врубиться тут!

Альбина осмелилась шевельнуться, встала на четвереньки – вдруг увидела около самого лица ручку на дверце. Не раздумывая, вцепилась в нее, нажала; метнулась всем телом вперед.

Что-то жестко чиркнуло по локтям, по коленям. Все гудело вокруг.

Свист, визг тормозов, хохот...

– Дура, задницу прикрой! – заорал кто-то хохочущим голосом.

В глазах реяла красная мгла. Альбина слепо ползла вперед, пока не уткнулась лицом во что-то мягкое, пыльно-прохладное.

Зелень... трава газона!

На четвереньках, с неожиданным проворством, ринулась к темной разлапистой массе, маячившей впереди. Вломилась в нее, дрожащими руками отводя от лица какие-то хлесткие прутья. Да это же ветки. Ветки кустарника!

Тупо, упорно забивалась она в самую гущу неожиданного укрытия. Сжалась в комок, с трудом восстанавливая дыхание.

Вдруг, суматошно вскинувшись, выглянула.

Мимо изредка проносились по шоссе машины. У обочины пусто! Серая «Волга» исчезла!

Альбина опять нырнула в спасительную зеленую тень. И сразу колени и локти загорелись огнем. Конечно, все до мяса содрано. Сукровица наплывает на забитые грязью ссадины. И ползут по бедрам, внутри, ручейки крови...

Чуть не час отлеживалась тогда в кустах Альбина, будто раненое животное, боясь выйти – и собираясь с силами сделать это. Почему-то не было слез – ее изредка били сухие, мучительные рыдания, да и их она принуждена была глушить, смертельно боясь, что даже здесь, в этом пустынном месте, их может кто-то услышать... кто-то может узнать о том, что с ней случилось.

Никто не должен узнать! Наверное, Альбина дала себе эту клятву еще в тот кошмарный миг, когда чужая плоть порвала тайные глубины ее тела.

Никто! Никакая полиция, врач, тетя Галя... тем более мать. Эти двое потом всю жизнь будут попрекать, изведут намеками, в петлю загонят. Никто и никогда не узнает! Мелькнула пугающая мысль о возможной беременности, но Альбина только досадливо передернула пле-

чами. Даже при своей просто-таки детсадовской неопытности она понимала: рыжий Толик не довел дело до конца.

Решено. Она промолчит. Но как уничтожить следы того, что с ней сделали?

Что-то стягивало левое запястье, больно давило. Альбина устало повела глазами – и ахнула, увидев свою сумочку, которая каким-то немыслимым образом не потерялась. Впрочем, чего же здесь немыслимого? Зная свою патологическую забывчивость и растерянность, Альбина привыкла обвивать ремешок сумки вокруг руки. Не очень красиво, зато надежно.

Даже слезы на глазах от радости выступили. Альбина открыла тугую «молнию» – какое счастье, что она такая тугая! – и как на чудо уставилась на скомканный носовой платок. Была бы еще вода...

Воду она вскоре нашла – нюхом, не иначе, будто и впрямь обрела на время особое, животное чутье. Нашла лужу – большую, чуть зацветшую. Плюнув на санитарию и гигиену, обмыла тухловатой водой свои раны. Даже если завтра начнется заражение крови, это будет завтра, а значит, не важно. Главное, чтобы сегодня тетя Галя ничего не заподозрила!

Убедившись, что ни на платье, ни на коже нет следов крови (кроме ссадин, конечно, но это ладно, отовратиться нетрудно), Альбина с трепетом открыла кошелек. Самое главное – раздобыть новые трусики: у тети Гали глаз как рентген. Если не найдется на них денег, можно сразу вешаться. Хотя... как же повеситься на кустах? Для этого нужно как минимум дерево, а ни одного не видно в обозримом пространстве. Можно, конечно, поискать...

К счастью, искать не пришлось: кошелек не был пуст. Альбина с новым приступом слез возблагодарила судьбу, а та, словно раскаявшись, принялась старательно заглаживать содеянное прежде: в первом же доме, до которого через полчаса добрела Альбина, оказалась «Галантерея», а в ней – отдел женского белья, а в нем – точно такие же трусики, как бывшие у нее прежде. И завезти ее, оказывается, серая «Волга» далеко не успела: Альбина уже через час добралась до дома.

Правда, как ни молила она судьбу, чтобы тети Гали там не было, на такой подвиг оказались не способны даже высшие силы. Но все-таки они сделали что могли: тетка встретила ее до того озабоченная какими-то своими проблемами, что даже не обратила внимания на разбитые Альбинины коленки. Рассеянно открыла дверь, рассеянно буркнула:

– Где ты шляешься, интересно знать? Лучше бы ужин приготовила! – и скрылась в большой комнате, откуда тотчас донеслась оживленная скороговорка: к тете Гале пришла соседка.

Альбина сообразила, что тетушка, скорее всего, начисто забыла о том, что они договаривались встретиться и пойти в полицию. И слава богу! Не то нудная выволочка затянулась бы до ночи... нет, до двадцати сорока: сегодня как раз любимый тетушкин сериал!

Не чуя под собой ног, Альбина прокралась в ванную и еще раз, уже по-настоящему, вымылась. Под душем ее опять начало трясти, а когда вернулась к себе в комнату и погляделась в зеркало, увидела, что глаза распухли и покраснели. Наверное, она все-таки плакала, стоя под душем, но милосердная вода смывала слезы. Если бы она могла и воспоминания смыть!..

Их смыло, вернее, стерло время. Да и сама Альбина так старалась забыть! Запрещала себе даже думать об этом! А теперь вдруг воспоминания всплыли... нашли время, нечего сказать!

А между тем они с Катюшкой уже сидели в машине. Альбина даже не заметила, как это произошло. «Форд» двигался плавно и стремительно, несмотря на то, что водителя всюду отвлекала разговорами Катюшка. Да-да! Она устроилась впереди, а Альбина в одиночестве – сзади.

Кого же он все-таки ждал, этот парень? Сомнения опять вернулись, и настроение, конечно, испортилось.

«Прекрати, – попыталась пристыдить себя Альбина, – да разве можно чувствовать себя счастливой или несчастливой только из-за того, посмотрел или не посмотрел на тебя совершенно незнакомый человек? Может быть, я его больше никогда не увижу».

Стало еще тоскливее. Это все из-за того, что Альбина слишком одинока. И она так была напугана тем давнишним случаем, что не только внешне, но и внутренне сторонилась мужчин. Видимо, они чуяли это глубинное отторжение и сами старались держаться от нее подальше.

Катюшка совсем другая! Она со счета сойдет, попроси ее перечислить всех ухажеров. Иной раз она очаровывала мужчин просто для того, чтобы убедиться в своей неотразимости. Вот и сейчас – кажется, готова пришпилить в свою коллекцию еще один экспонат. Но зачем тогда было убеждать Альбину, будто незнакомец торчит перед витриной только ради нее?!

– Ты слышишь, Алёк? – обернулась в этот момент Катюшка, сверкая антрацитовыми глазами. – Мы решили, что Наиль подвезет сначала меня, а потом тебя.

Нате вам! Они уже познакомились! Наиль... странное имя. Наверное, татарское. Звучит мягко, но как-то... затаенно. Если бы Альбина сочиняла сказки, она назвала бы так какого-нибудь злого демона.

Глупости. Очень милое имя. Тем более что Катюшка сойдет с дистанции еще в Измайлове.

Путь до Измайлова показался Альбине особенно долг, но когда Катюшка наконец вышла, на прощание скорчив Альбине поощрительную гримасу и сладко улыбнувшись Наилью, в автомобиле воцарилась неловкая тишина.

В сотысячный, наверное, раз Альбина позавидовала Катюшкиной легкости в общении с людьми. Она не сомневается в том, что каждый ее взгляд, каждое движение восхитительно, а каждое слово – интересно. Альбина же, еще до того как рот откроет, убеждена, что собеседнику с ней будет скучно. Как правило, результат именно таков... а может быть, она сама себя заранее на это настраивает?

Вот и сейчас. Нет чтобы мило болтать, перепархивая от глупости к глупости, подобно Катюшке, – сидит букой! Он тоже хорош, конечно: мог бы обернуться, поговорить с девушкой, если уж предложил подвезти. Или жалеет, что предложил? Печалится об упорхнувшей Катюшке? Нет, молчание становится просто неприличным!

– Наиль – это...

– Алёк – это...

Они заговорили разом – разом осеклись и засмеялись.

– Говорите, говорите!

– Нет, вы.

– Алёк – это значит Алла? Или Алина?

– Альбина.

– О, как красиво! Никогда не встречал девушки с таким именем! А что оно означает?

– Белая.

– Белая... – повторил Наиль. – Чистая. Скромная...

– Нет, просто – белая, – смутилась Альбина от этого более чем смелого синонимического ряда. Скорее, если уж на то пошло, бесцветная!

Ну вот, опять она сама себя топчет. Крепко же вбиты в голову уроки мамани и тетушки!

– Вы такая тихая, молчаливая, – проговорил Наиль, полуобернувшись к ней и искоса поглядывая на дорогу. – Я даже не ожидал. Думал, что все девушки-манекенщицы смелые, острые на язык, вроде вашей подружки. Как только вы решились, с вашим-то характером, целыми днями выставлять себя на всеобщее обозрение?

Альбина несколько опешила, уловив в его голосе нотки явного неодобрения. Хотя да – у них-то, у мусульман, небось до сих пор такая работа женщины считается неприличной.

– Это, собственно, не моя была инициатива, – пробормотала растерянно. – Тетя через какую-то знакомую устроила. Конечно, в отделе дамского белья, например, – там совсем другая работа. А здесь у меня очень скромная роль. И я ведь не просто так за компьютером сижу. Это сегодня мы с Катюшкой дурачились, а чаще приходится для магазина какие-то документы набирать, отчеты, всякое такое. Да и вообще – меня ведь практически не разглядишь среди всей этой офисной мебели...

– Но я ведь разглядел, – справедливо заметил Наиль и снова отвернулся к рулю.

Альбина с досадой смотрела на скользкую дорогу. До чего же некстати этот гололед! Требуется всего внимания водителя, а они только что так замечательно разговорились!

– Вам, собственно, куда? – спросил Наиль, когда промелькнул перекресток с бурлящими выходами из метро и ярко освещенной коробкой Щелковского автовокзала.

– О, еще далеко, – виновато сказала Альбина. – Улица Красноярская. Это почти у Кольцевой... Впрочем, отсюда чуть ли не все автобусы к нам идут, так что, если вы спешите, я могу...

Наиль фыркнул так насмешливо, что Альбина подавилась словечком «сама».

Итак, он решил доставить ее домой! А потом? Наверное, логично будет пригласить его, но там ведь тетя Галя, а она чужих не переносит. Еще когда Альбина только переселилась к тетушке, было выдвинуто основное условие совместного проживания: «Мужиков не водить!» Альбина его исполняла свято. В этой связи отвратительным фарисейством казались ей тетушкины причитания: мол, до чего скучно и бесцветно живет племянница, никого не может себе завести... Заведешь тут, пожалуй!

Конечно, можно рискнуть и пригласить Наиля. Нет, лучше не рисковать. Если он хоть раз нарвется на тети-Галину пилораму, как называла Альбина приступы нравоучительного занудства, иногда одолевавшие тетушку, то постарается как можно скорее забыть и саму Альбину, и дорогу на улицу Красноярскую.

Хорошо, если бы они просто поболтали в машине, а потом Наиль назначил Альбине свидание на завтра. Хотя что особенно назначать? И завтра, и послезавтра, и так далее она будет пылиться в своей витрине. Найти ее очень просто. И освободится только в девять вечера, через час после закрытия универмага. Вот в чем секрет того, что текучка кадров среди манекенов ужасная: работают с девяти до девяти (а летом до одиннадцати), без выходных, за опоздание увольняют сразу, а если прогул – даже за расчетом можешь не приходить. То есть если Наиль захочет еще пообщаться с Альбиной, им останутся только несколько вечерних часов. Ну и ночи, конечно, если уж на то пошло...

Альбину передернуло от отвращения ко всему тому, что крылось для нее в этом интимном понятии.

– Замерзли? – послышался дружелюбный голос Наиля.

Ого! Машина-то уже стоит на улице Красноярской – причем именно возле того дома, в котором живет Альбина. Как он угадал, интересно?

– Пойдемте, – сказал Наиль. – Я вас провожу.

– Да у меня там тетя... – обмирая от стыда, пробормотала Альбина. – Она... вы понимаете...

– Я не напрашиваюсь к вам в гости, – сказал с улыбкой Наиль, – пока сами не позовете. Просто в наше время в подъездах такие страхи творятся, что девушке лучше не рисковать и не ходить так поздно домой.

– Да ну, я ведь хожу каждый вечер – и ничего.

– Больше не будете! – сказал Наиль с таким подчеркнуто грозным видом, что Альбина невольно расхохоталась и с легким сердцем выпорхнула из машины.

«Больше не будете!» Это что, намек? Она не будет ходить одна, потому что у нее завелся провожатый? Наверное, наверное!

– Ну вот, – озабоченно буркнул Наиль, когда они вступили в пропахшую интенсивной кошачьей жизнью темноту. – Я так и знал! Лифт не работает, конечно?

Альбина хихикнула в знак согласия, тяжело опираясь на его руку. Было так невыразимо приятно чувствовать его рядом, так тепло на сердце!

«Если он сейчас меня поцелует, я... я не оттолкну его», – подумала она, чувствуя, как замирает в радостном ожидании сердце.

Боже ты мой! Ей уже двадцать пять, а она даже ни с кем еще не целовалась, не считая тех дураков-одноклассников, с которыми играла когда-то в «бутылочку». В девятом, что ли, классе? Или в десятом? Да и разве это были поцелуи!

Она вспомнила темные, красивые губы Наиля, обрамленные подковкой усов, – и споткнулась.

– Осторожнее!

Показалось или он крепче прижал к себе ее руку?

Чем выше поднимались, тем реже Альбина спотыкалась: мрак рассеивался. И лестничная площадка четвертого этажа была воистину лучом света в темном царстве: лампочка горела только здесь.

– Ну, – сказала Альбина, – вот я и дома. Квартира шестнадцать.

Наиль так внимательно оглядел дверь под названным номером, словно решал: менять на ней обивку или не стоит. Менять, безусловно, стоило, и уже давно, однако не за этим же он, в самом деле, сюда шел!

Надежды на поцелуй растаяли при свете, как призраки от молитвы. Наиль ни слова не сказал о новой встрече. И даже сейчас, когда Альбина вот-вот уйдет, он молчит! А может, как раз и хочет, чтобы ушла скорее?

Альбина исподтишка взглянула на темно-вишневые губы, на длинные ресницы – как у девушки... И так же по-девичьи скромно опущенные. Нет, в самом деле, не Альбине же спрашивать первой: «Мы увидимся завтра?»

Наверху хлопнула дверь, заскрежетал в замке ключ, торопливо зашлепали по ступенькам тапочки.

Альбину точно кипятком ошпарило! Резко отвернулась, воткнула палец в кнопку звонка. Теперь ей хотелось, чтобы Наиль ушел как можно скорее. Какую-то соседку несет нелегкая: теперь тетя Галя непременно узнает, что Альбина «отиралась» в подъезде с каким-то парнем, да еще и с «черным». И еще неизвестно, какой синонимический ряд будет выстроен! Как минимум, отиралась-обжималась... ну и так далее.

– Вы к кому? – послышался настороженный голос. – Ко мне, что ли?

Альбина удивленно оглянулась.

Тетя Галя! Тетя Галя в халате и тапочках спускается на площадку, опасливо озирая Наиля.

– Привет, – пролепетала Альбина. – Ты откуда? В гости ходила? Но ведь Надежда Ильинична уехала вчера...

– Она мне ключи оставила цветы поливать, ты что, забыла? – недовольно буркнула тетя Галя. – У нас гости?

Радужное выражение ее лица заставило бы обратиться в бегство даже каменного идола с острова Пасхи – если правда, будто они умеют передвигаться.

– Не беспокойтесь, – приветливо сказал Наиль. – Я только проводил Альбину, а теперь ухожу. Всего хорошего, спокойной ночи.

Мелькнула белозубая улыбка, застучали по ступенькам каблук.

Тетя Галя проводила его взглядом, в котором читалось нескрываемое облегчение, и повернулась к Альбине:

– Кавалер, что ли? На вокзале подобрала? Другого не нашлось во всей Москве?

– Нет, это... знакомый Катюшкин. Они меня подвезли, ну, и он просто проводил: в подъезде темно.

– И что? Боялась заблудиться? Я же тебе сказала, чтоб не водила в дом кого попало!

От раздражения тетя Галя даже не могла попасть ключом в скважину.

Альбина почувствовала, как в глазах предательски защипало. Ох, ну до каких же пор она будет заливаться слезами от всякого недоброго слова?! Только бы тетя Галя не заметила!

– Я и не вожу, – шепнула, пытаясь скрыть дрожь голоса. – Говорю же: это Катюшкин знакомый, она... она его в машине ждет. А меня он проводил просто из любезности, тут ничего такого, ты зря подумала...

– Знаем мы таких любезных! – Тетя Галя наконец-то отомкнула дверь. – И скажи на милость, почему это у Катюшки твоей каждый день новый парень, а ты за столько лет никого подцепить не можешь? Что, решила до гроба с тетушкой вековать? Ни себе ни людям! А я ведь тоже еще... – Тетя Галя поперхнулась возмущенным провизгом. – Никого в дом даже пригласить не могу из-за тебя!

Альбина молчком снимала ботинки и шубейку. Серенький китайский козлик показался облезлым, как никогда. Вспомнился Катюшкин свингер из греческого каракуля, брючный костюм, не больно-то уступающий тому шику, который она демонстрировала в витрине. Альбина же старается переодеться в витринное обмундирование украдкой, чтобы никто не разглядел ее самовязанных свитерков и джинсов, в которых сначала «выросла вся Америка», а уже потом они попали на секонд-хендовскую свалку в России. Чего ж удивляться, если Наиля охладило превращение бабочки в гусеницу? Наверное, в витрине она и правда чем-то поразила его взор, но при ближайшем рассмотрении... особенно по сравнению с Катюшкой... То-то он сбежал быстрее лани!

Альбина прижалась лбом к косяку.

Беда ведь даже не в том, что Наиль смылся. Если совсем честно, не настолько уж он ей и понравился. Хуже другое! Она так измучилась от вечной своей затурканности, что готова завести роман буквально с первым встречным парнем, – просто из благодарности за то, что на нее обратили наконец внимание!

– Лизочек? – зазвенел в комнате оживленный тети-Галин голос. – Слушай, у вас на фирме нет хорошего слесаря? Да нет, не сантехника, а из тех, кто сложные замки вставляет. И чтобы у него был такой резак... знаешь, для очень тонкой работы. Да... надо сменить замок, давно надо, вот я и решила.

Альбина слабо качнула головой. Спятила тетя Галя, что ли? Неужели это из-за Наиля ее так разбирает?!

Ладно, лучше не слушать всю эту чепуху. Сейчас под душ, потом спать. Чем скорее уснешь, тем скорее канут в прошлое все беды сегодняшнего дня. А завтра... кто его знает, что будет завтра! Вполне может статься, что глянет завтра Альбина сквозь витрину – и увидит на улице знакомую широкоплечую фигуру на фоне белого «Форда».

Да, что она виртуозно научилась в жизни делать, так это успокаивать себя несбыточными мечтами!

Альбина шагнула по коридору – и вздрогнула, когда за спиной закурьлыкал звонок.

Она была совсем рядом с дверью, но все-таки тетя Галя, только что болтавшая по телефону в дальней комнате, оказалась здесь быстрее.

– Я сама открою!

Сноровисто завертела все ручки большого, сложного, дорогого замка, который ей вдруг вздумалось непонятно зачем заменять.

«Ждет она кого-то, что ли?» – удивилась Альбина.

Тетя Галя славилась своей недоверчивой дотошностью и обычно испытывала у незнакомых визитеров не только все подробности их занятий, но и родословную чуть не до седьмого колена, прежде чем решалась открыть дверь и впустить Мосгаз, техника из домоуправления, электрика, лифтера, агитатора за нового кандидата в президенты и т.д. и т.п. А теперь даже не спрашивает, кто там!

Дверь приотворилась на длину цепочки, и Альбина так и ахнула, увидев Наиля.

– Вечер добрый, – сказал он со своей серьезной улыбкой. – Извините за вторжение, но у меня в машине кто-то оставил вот это. Не ваше?

Он помахал женской перчаткой.

– Мое! – воскликнула Альбина, испытав мгновенный приступ ужаса оттого, что едва не лишилась одной из немногих своих по-настоящему хороших и дорогих вещей, а вслед за этим – восторг, что перчатка нашлась, что Наиль не поленился зайти, вернуть... Пожалуй, главным было именно это: что он пришел!

– Ой, спасибо вам!..

– Да, спасибо, – сдержанно (хорошо, что не воинственно!) изрекла тетя Галя. – Давайте ее сюда.

Она протянула руку поверх цепочки, однако Наиль спрятал перчатку за спину.

– Извините, – сказал с подкупающей задушевностью, – мне надо Альбине еще кое-что передать. Два слова буквально.

Тетя Галя хмуро оглянулась. Альбине даже показалось, будто она сейчас без разговоров захлопнет дверь. Но, пробормотав что-то невнятное, тетюшка медленно сняла цепочку – и тут же миг Альбина задохнулась и ослепла на миг. Какая-то тяжесть с силой ударила в ее тело, отшвырнула к стене и сбила с ног.

Тяжесть всхлипывала и визжала. Альбина с трудом проморгалась – и увидела, что это тетя Галя. И еще некоторое время потребовалось ей, чтобы понять: их обеих швырнул к стене удар Наиля.

* * *

Вся деревня вышла из хижин. Но, как и всегда, мужчины стояли по одну сторону, а женщины – по другую.

Герман чуть покосился влево и перехватил насмешливый взгляд Алесана. Ну да, конечно: только они двое удостоились чести стоять на женской стороне. Вождь племени и его высокий гость. Однако даже и от них женщины позаботились отойти на несколько шагов, так что оба как бы стояли между двух миров. Даже вчерашние жены обоих держались с холодноватым, отстраненным видом девушек-недотрог. Впрочем, Герман уже успел привыкнуть, что здесь женщины не ластятся наутро, предоставляя эту привилегию своим ночным мужьям.

По рядам пронесся громкий вздох: появилась сегодняшняя *дукуни*. Колдунья, ведьма, шаманка, жрица – как угодно. На голове возвышался зеленый тюрбан – знак, что она поддерживает постоянную связь с миром духов. Тюрбан являлся, можно сказать, единственной одеждой дукуни, не считая чисто символической опояски из хвостов священных зебр. Однако по местным понятиям считалось, что на ней слишком много одежды.

Лица дукуни Герман не мог разглядеть под ритуальной раскраской, однако тело у нее было стройное, молодое, упругое.

«Интересно, я с ней спал? – подумал Герман. – А запросто!»

Рука Алесана дрогнула рядом с его рукой. Герман мог бы поклясться, что его друг задал себе такой же вопрос – и дал на него столь же самонадеянный ответ.

Дукуни уселась на травяную циновку, скрестив ноги и сложив перед лицом ладони. Было тихо, но постепенно Герман начал различать легкую мелодию свирели и погромыхивание там-

тама. Оба эти инструмента лежали за спиной дукуни. Никто не прикасался к ним, однако именно они издавали музыку, которая становилась все громче.

Впрочем, с такими штучками Герман уже был знаком. И в сегодняшнем действе это было далеко не главным волшебством.

Дукуни вытянула правую руку и повела вдоль шеренги мужчин, начиная с Алесана. Глаза ее были закрыты, ни на кого конкретно она не указывала, однако Герман всем телом ловил слабый, отдаленный голос, выкрикнувший шесть имен. При этом он ощутил странную смесь облегчения и разочарования, оттого что выбор не пал на него.

Вперед вышли шесть молодых людей. Никого из них Герман не узнавал: лица и тела были раскрашены. Только они с Алесаном оказались сегодня избавленными от этой длительной, а порою и болезненной процедуры.

Ни одной нитки не было на телах избранных: сняли даже охотничьи браслеты из обрывков звериных шкур, даже тяжелые кольца-обереги.

Избранные начали танец в кругу: сначала медленно, потом все стремительнее. Дукуни в центре их хоровода танцевала в том же бешеном ритме, и каждое ее движение было исполнено убедительной внутренней силы, которая зачаровывала всех присутствующих.

И вдруг танцоры замерли. Замерли и зрители, с трудом сдерживая возбужденное дыхание. Пульсирующий ритм тамтама вонзался в сердца, тревога подавляла сознание.

Дукуни взяла стоящую рядом с ней корзиночку и побежала по поляне, посыпая землю и траву серым пеплом и очерчивая правильный круг.

Ее груди прыгали, хвосты зебр плясали на смуглых бедрах, и Герман вдруг ощутил такой мощный разряд желания, что легкие хлопковые штаны, его единственная одежда, туго обтянули бедра. Он покосился на Алесана. Тот, соблюдая ритуал, стоял обнаженным, как и все остальные мужчины. Да... впечатляющее зрелище! С такими копьями вполне можно идти на бой. Точно так же выглядели и избранники дукуни.

Однако он отвлекся и упустил момент, когда в руках дукуни появилась чудовищно яркая маска. Внезапным движением она приложила маску к лицу одного из молодых мужчин. Тот изо всех сил замотал головою, словно протестуя, стараясь сбросить личину изо всех сил. Напрасно: маска, чудилось, приросла к лицу.

А здорово перепугался бедолага! От его недавнего возбуждения в один миг осталось весьма жалкое воспоминание.

Впрочем, эротические чары слетели и с остальных. Все напряженно смотрели на парный танец дукуни и человека в маске, который точно копировал все движения шаманки, ни на миг не отставая от нее, словно ее мозг посылал импульсы одновременно в два тела.

А визг свирели теперь заглушал тамтам и раздирал уши запредельной высотой звуков.

Внезапно дукуни сорвала маску с человека – и заглушенный крик ужаса пронесся по толпе.

С человека ли?... Ничего человеческого не осталось в его лице. Оно стало по-звериному ужасным!

Рухнув на колени, танцор свирепо бил по воздуху скрюченной ладонью. Герман мог бы поклясться, что это когтистая лапа... А голос? Разве это человеческий голос? Это рычание! По коже, лоснящейся от пота, волнами пробегает дрожь, и чудится, будто на ней чередуются темные и светлые полосы... как у тигра!

«Что происходит? – вспыхнула в сознании испуганная мысль, словно сигнальный огонь, предупреждающий об опасности. – Где я? Где мы все? Нас вовлекли в действо, результат которого невозможно предсказать. Мы оцепенели, едва дышим... Мы все во власти дукуни, так же, как и этот несчастный, вообразивший себя тигром!»

Он мог думать, мог смотреть – больше ничего. Из всей толпы только двое обладали способностью двигаться: дукуни и тигр.

«Пасть» тигра приоткрылась. Герман увидел, как удлиняются, лезут изо рта зубы. Еще миг – и он бросится на дукуни!

Однако та стремительным движением вцепилась в волосы тигра и начала поднимать кверху его голову. Взгляд дукуни оледенел, все ее тело напряглось так, что под темной коже рельефно заиграли мышцы.

Какой-то миг слышен был только рокот барабана. Голова тигра медленно никла. Рычание превращалось в тихий визг. И вдруг он простерся на земле, мгновенно перейдя из транса в кому.

У Германа звенело в ушах, в висках стучало. Только сейчас он ощутил, как долго сдерживал дыхание. Вдохнул глубоко, испытывая странную, почти детскую радость, оттого что все позади. Оглянулся на Алесана, однако тот чуть заметно качнул головой, и Герман понял, что представление еще не окончено.

Мужчины, так и остававшиеся посреди поляны, вновь начали пляску по кругу. Дукуни качалась над спящим, как лозина на ветру, дула ему в уши, хлопала по щекам, однако распростертый на земле человек не шевелился. И только когда она взвилась в воздух с пронзительным визгом, перекрывшим даже вой свирели, бывший тигр резко вскочил на ноги и как ни в чем не бывало включился в общий хоровод.

Он не выказывал никаких признаков усталости и только что перенесенного безумия. Внезапно Герман догадался, зачем дукуни вызвала в круг шестерых мужчин, а не одного. Он был выбран для перевоплощений, а остальные питали его своей силой. Именно поэтому они выглядели куда более усталыми, чем он.

И снова дукуни выманила своего прежнего избранника на середину круга. Несколько мгновений они слитно вращали бедрами, почти прижавшись друг к другу. Эротические вихри вновь пронзили толпу зрителей. Дукуни на миг обняла свою жертву, а когда отдернула руки, вокруг его талии был обвязан узкий алый шнурок.

Человек, недавно бывший тигром, подпрыгнул, оглядывая присутствующих беспокойно-любопытным взглядом, почесывая голову и бока. Он горбился, поглядывал исподлобья, и Герман едва не рухнул от изумления: на сей раз он увидел перед собой человека-обезьяну!

Дукуни бросила избранному кокосовый орех. Радостно взвизгнув, тот поймал орех на лету. Решительно надкусил жесткую, волосатую оболочку плода и содрал ее зубами. А потом высоко поднял очищенный орех – и расколол о свою голову!

С этого мгновения Герман уже не мог думать о нем как о человеке.

Одним глотком заглотив не меньше чем пол-литра молочной жидкости, обезьяна вскарабкалась на крышу стоящего неподалеку амбара, однако дукуни резким окликом заставила его слезть. Обезьяна съела несколько брошенных ей бананов, потом стремительно вскарабкалась на дерево. Раскачавшись, перепрыгнула с ветки на ветку, и вот уже повисла на самой верхушке.

Дукуни подняла барабан и, постукивая маленькой колотушкой, заставила обезьяну вернуться.

«Бог ты мой! – смятенно подумал Герман. – Какое многослойное кодирование! Музыка, голос, стук... Но когда дукуни успела закодировать его? Во время танца? Или подготовка велась заранее? А что станет с несчастным одержимым, если колдунья не сможет вывести его из транса?»

Почему-то иссякли силы смотреть на человека, лишенного человеческого облика. Опустил голову. И внезапно вспомнил рассказ деда о пропавшем мужике.

Дед Германа был родом из деревни Дрюково, что под Бором, на Нижегородчине. И вот как-то пропал там мужик. Пошел на гумно и не вернулся. А за овином нашли воткнутый в землю нож. Жена мужика была из деревни Петровой – не из Дрюкова, где, говорят, исстари все подколовывали. Она в таких делах мало что понимала, ну и вынула нож из земли. И с тех пор мужик года три пропадал! Наконец одна соседка сжалась над соломенной вдовой

и посоветовала ей воткнуть найденный нож за овином в том же самом месте, где он торчал раньше. Так жена и сделала. Вскоре после этого пропавший мужик воротился в свою избу. Правда, весь он был обросший волчьей шерстью. Истопила жена баню жарко, положила мужа на полок и стала парить можжевельным веником – шерсть вся и сошла.

Потом уже муж-оборотень рассказывал, как он превращался. Стоило перекинуться через нож, как он становился волком. Он как раз бегал в поле, когда глупая баба нож из земли-то и вынула. Вернулся оборотень, а ножа нет! И век бы ему в таком обличье бегать, когда бы не догадались снова воткнуть нож за овином.

Хотя мужик и бегал долгое время волком, мысли и чувства у него были человеческие. Он даже не мог есть нечистую пищу, падаль например. А когда подходил к воде напиться, в ней отражалась не волчья морда, а человеческий образ.

«Там роль кодированного предмета играл нож, – размышлял Герман. – Здесь... не знаю. Все сразу, наверное. А если будет вычленен хоть один компонент, удастся ли обратное перевоплощение?»

Как внимательно ни наблюдал он за дукуни и ее жертвой, воскрешение человеческого облика воспринял с изумлением. Уж очень стремительны были эти скачки из образа в образ! Дукуни мяла человеческую психику, будто глину.

Парень, обретший собственное сознание, вернулся к остальным мужчинам. Вокруг него сразу образовалась почтительная пустота.

– Везет мужику, – шепнул Алесан по-русски. – Сегодня ночью к нему выстроится такая очередь! Дукуни, конечно, будет первая, но после нее он сможет выбрать любую, и никто не посмеет отказать.

Герман покачал головой, показывая, что он оценил значимость сказанного. Чтобы мужчина мог *сам* выбрать себе женщину!.. Конечно, для них с Алисаном это было привычной привилегией, женщины, бывало, дрались из-за них, но все прочие сверчки знали свои шестки. А дукуни будет у человека-тигра-обезьяны первой... И правда – везет мужику!

Впрочем, смелые фантазии не задержались в голове Германа. С такой особой опасно оказаться в постели. Рискуешь проснуться хорошо если тигром, а то выдрой какой-нибудь, если, боже сохрани, не насытить ее похоть!

И вообще, от дукуни Герман хотел бы получить совсем другое. От этого желания у него даже во рту сохло!

– Спорим, я знаю, о чем ты сейчас думаешь? – все так же, почти не разжимая губ, пробормотал Алесан, с наслаждением щеголяя небрежной русской речью. – Как бы набраться опыта, верно? Нашего, черномазого, колдовского опыта? А что, может быть, такой потрясающий успех моего великого родича в России обусловлен именно тем, что русским по душе наше черномазое колдовство? Наверняка Пушкин был великим дукуном! Но то, что ты видел сегодня, – ничто по сравнению с воскрешением мертвых. Еще не так запросишь, чтобы тебя научили!

– А я смогу? – с замиранием сердца выговорил Герман.

– Вопрос неправильный! Неправильный вопрос! – забухтел Алесан. – Спрашивать следует так: может ли белый научиться черному колдовству? Отвечаю: может. Не всякий, но может. Однако это будет... как бы сказать... абстрактное колдовство. Потому что боги-творцы даровали истинную силу только африканцам.

– Понял, – кивнул Герман. – Понял, понял... то есть я могу быть только фокусником, но не целителем?

– Ответ правильный.

– А, к примеру, мстителем? – усмехнулся Герман.

Почему он так спросил? Почему?!

Алесан покачал головой. Что-то мелькнуло в глубине его темных глаз... Жалость, с изумлением подумал Герман?

Нет, показалось, решил он через минуту. Но потом... потом он понял: Алесан, африканский шаман, чертов дукус Алесан уже тогда знал, что его друг обречен стать мстителем. Но судьба лишит его обоюдоострого меча высшей справедливости и заставит сражаться тем же оружием, каким владел его враг: коварством и жестокостью.

* * *

Тетя Галя очнулась раньше и с воем кинулась в комнату, однако, наткнувшись на новый удар, отлетела к стене. Альбина прижала руки к лицу, пытаясь перевести дух. «Неужели это сделал Наиль? Да нет, мне почудилось, почудилось!»

Открыла глаза.

Наиль стоял, поигрывая улыбкой, сунув руки в карманы черной куртки. Почему-то впервые за этот вечер Альбина обнаружила, что одет он в блестящую грубую куртку и мешковатые турецкие брюки, какие носят дешевые качки – либо наперсточники, либо из охраны мелких «комков». И шапка вдобавок норковая! И плечи у него такие же крутые, покатые, как у них всех. Куда же она смотрела раньше, что ничего этого не видела?!

Ясно, куда. На глаза его, на губы смотрела. Вот и досмотрелась... А он вор, значит? Обыкновенный ворюга?

Наиль обернулся к выходу, не выпуская из поля зрения беспомощно копошившуюся на полу тетю Галю и застывшую у стены Альбину.

Приоткрытая дверь в коридор чуть дрогнула – сердце Альбины зашлось в мгновенной надежде, – однако по темно-вишневым губам Наиля скользнула улыбка:

– Все в порядке, Вольт. Входи.

Глаза Альбины с жадным любопытством приковались к лицу вошедшего. Тотчас где-то в глубине сознания раздался панический вопль: «Не смотри на него!» – и она торопливо отвела глаза. Однако перед внутренним взором так и маячила эта фигура в тяжелой дубленке и низко надвинутой на глаза шапке. Человек был среднего роста, но ходил тяжело, увесисто. Пол загудел, когда, заперев дверь, он медленно прошествовал по коридору мимо женщин, заглядывая во все двери, даже в нишу, забитую вещами. Рукой в перчатке он придерживал большой белый платок, который прикрывал нижнюю часть лица.

Наиль пинком заставил тетю Галю подняться и швырнул ее в дверь той комнаты, куда наконец вошел человек с белым платком. На Альбину он только глянул – косо, насмешливо, – и она, еле удерживая дрожащие губы, которые так и стремились сложиться в льстивую, умоляющую улыбку, пошла за теткой.

Незнакомец брезгливо оглядел небогатое убранство. Открыл средний ящик серванта, профессионально перевернул белье, вытащил плоский сверточек, обернутый в полиэтилен и стянутый аптекарской резинкой.

Тетя Галя болезненно ахнула.

– Дура! – беззлобно сказал незнакомец. – Неужели до сих пор не знаешь, что первым делом ищут в белье и книгах? А у тебя круг поисков значительно сужен!

Он обвел взглядом комнату, в которой из книг был только потрепанный телефонный справочник, потом подошел к окну и приоткрыл узкую створку:

– Духота! Дурацкие эти окна без форточек, терпеть их не могу.

Прильнул к щели, жадно глотнул воздуха. Плюхнулся в кресло и вытянул ноги в тяжелых ботинках на толстой подошве.

– Ну вот что, – сказал все так же глуховато, через платок. – Мы можем уйти быстро, а можем и задержаться. Если сразу скажете, где...

– Господи, да нет у меня ничего! Какие заработки у медсестры? Что нашли, ваше, черт с вами, а больше нет ничего! Было б кого грабить, голь перекатную! – с провизгом выкрикнула тетя Галя, но тут же захлебнулась, получив от Наилья увесистый тычок под ребро.

– Не надо крика, – спокойно сказал незнакомец. – Для вас же лучше, если мы тихо спросим, вы – тихо ответите, а потом все так же тихо расстанутся и забудут друг о друге. – Он небрежно швырнул полиэтиленовый сверточек на телевизор. – Вот, видите? Ваши копейки мне без надобности. А нужно мне... – Настороженный взгляд заметался между Альбиной и тетей Галей. – Нужно мне знать, куда подевалась раненая женщина из пятой палаты? Та, которую под убитым Рогачем нашли?

Альбина почувствовала, как у нее поднимаются брови. Как ни было страшно, изумление пересилило сейчас все другие чувства. Та странная пациентка исчезла? Почему? Да, ведь она чего-то боялась, просила помочь... Но почему этот кошмарный, как его, Вольт, решил, будто Альбина и тетя Галя что-то об этом знают?

– Гляделки подбери, – посоветовал Вольт, мельком посмотрев на Альбину. – Хватит рожи корчить и девочку строить. Быстро: где Хи... где та баба?

Альбина слабо качнула головой – и тотчас горло больно, до хрипа перехватила чья-то рука. Наиль! Подступил сзади, зажал под сгиб локтя, сильно, умело пережимая дыхание. Другая рука вкрадчиво поползла по затылку, спустилась на шею...

«Он хочет сломать мне шею!»

Панический ужас заставил забиться, выхрипеть:

– Не знаю, я ничего не знаю!

– Очень может быть, – задумчиво согласился Вольт. – Отпусти ее, Наиль... пока. Мне тоже кажется, что основной источник информации – тетушка.

Тетя Галя уставилась на него расширенными, выбеленными страхом глазами, тиская у горла ворот линялого халата. С трудом шевельнулись губы:

– Нет, нет...

– Ну как же – нет? – укоризненно спросил Вольт. – Привезли к вам раненую, в чем была, одежду ее заперли в кладовой. Не могла же она по морозу в одной рубашке, босиком сбежать! Кто-то ведь должен был ей помочь. Дать одежду, обувь, вывести из больницы. Больше никому, кроме тебя. Некому!

Альбина, с трудом восстанавливая дыхание, смахнула ладонью внезапно наплывшие слезы.

Лицо тети Гали, белое впрозелень, искажал страх, и все-таки... и все-таки что-то особенное было в этой дрожи расплывшихся, сизых губ, в затравленном, мечущемся взгляде.

«Неужели это правда? Но зачем ей?.. Нет, быть не может! Ужасный риск! Узнали бы – выгнали с работы. Нет, не может быть. Тетя Галя пошла бы на такое только за большие деньги, а откуда деньги у той... у того? И все-таки она это сделала, и Вольт чувствует, что прав!»

– Я вам одну историю расскажу, – своим неторопливым, глуховатым голосом проронил из-под платка Вольт и чуть откинулся в кресле, так что тень от серванта совсем скрыла его лицо. – Ну и жарница здесь!.. Есть такой городок на свете – Котлас. Знаменит он своей пересылкой. Пересыльной тюрьмой, значит. Да хотя какая там тюрьма: кусок земли, разгороженный заборами на клетки, почти и без крыши. В зимний день помиралось в этом санатории до пятидесяти человек, так что носилок не хватало – трупы в морг таскать. И вот как-то раз очередной страдалец копыта откинул. Вертухай послал за врачом, а морду трупа бушлатом прикрыл милосердно. И сыскался тут один ушлый паренек: сволок жмурика с нар и сунул на свои, а сам занял его насиженное место, прикрывшись тем же бушлатом. Правда, что ловкий парнишка оказался: выбрал день, когда тюремный врач с простудой слег, а к мертвякам посылали фельдшера, мотавшего срок за хищение медикаментов. Фельдшер даже пульс не щупал: велел санитарам грузить тело на носилки и влечь к моргу. Конечно, это было не то место, где хочется

задержаться надолго. С соседями не больно-то за жизнь покалякаешь! Оглядевшись, беглец нашел грязный халат, забытый каким-то санитаром, и, затаившись среди ледяных жмуриков, стал ждать, когда кто-нибудь придет. Санитары пришли, приволокли очередного насельника в это теплое местечко, а наш приятель – фью! – из морга. И пошел бродить по зоне в своем маск-халате, ища, где бы форсировать заграждение. Но только, чтобы вы знали, Котласская пересылка – не то место, откуда вот так, запросто, можно через забор сбежать. И, побродив час-другой, выбросил наш дурень халат и сдался охране. Конечно, вертухаи отвели на нем душу, поточили об него кулачищи, но он клялся и божился, что и сам не знает, как очутился в морге. Валялся, мол, в камере без сознания, вдруг очнулся... мама родная!..

Тетя Галя громко сглотнула. Ее лицо обвисло мертвенно-бледными старческими складками. Глаза застыли.

Альбина стиснула руки в кулаки, удерживая слезы.

«Боже ты мой! Та женщина, которая умерла... Неужели и правда тетя Галя решилась на подмену? Но как мог угадать Вольт? Ну, предположим, пришел в больницу, разыскивая ту раненую, а в отделении шум, крик: обнаружен побег. Теоретически это возможно, конечно... И тетя Галя не так уж рисковала: ведь раненая как бы и сама могла до такого додуматься. Хотя верно: кто-то должен был дать ей одежду, приют. Но здесь ее нет, это ясно, они сами видели. И вряд ли она, даже скрывшись с помощью тети Гали, оставила ей свой адрес!»

– Штука вот такая, – с прежним спокойствием проговорил Вольт. – Я совершенно точно знаю, что этой сучке, из мужика переделанной, совершенно некуда податься – тем паче в полуголом виде. В Москве у нее никого нет. Значит, вы сговорились, – взгляд уперся в тетю Галю, и та слабо взвизгнула, – что не только поможете сбежать, но и приютите ее. Здесь никого нет, я проверил. Разве что под кроватью прячется, но это вряд ли. Впрочем, поглядим.

Он слегка свесился с кресла, но тотчас разогнулся и брезгливо проронил:

– Я так и думал – одна пыль.

Тетя Галя громко вздохнула. Наиль за спиной Альбины переступил с ноги на ногу. Вольт взглянул на него исподлобья и кивнул.

Наиль шагнул вперед и толкнул тетю Галю к стене. Зажав рот, осыпал короткими, но сильными ударами ее грудь и живот, а когда остановился, тетя Галя скользнула по стене и сгорбилась на полу, громко, со всхлипом переводя дух и тяжело отхаркивая кровавые сгустки.

– Беда в том, что будет еще хуже, – раздраженно сказал незнакомец. – Ох, ну и парилка у вас здесь! Долго я такого не выдержу. То есть времени на всякие к вам деликатные подходы у меня нет. И с каждой минутой у вас остается все меньше шансов выйти из этой ситуации не то что целыми и невредимыми, но хотя бы живыми. Вы способны понять, что вас будут бить до тех пор, пока не скажете, где эта чертова кукла?

Он встал и наклонился над тетей Галей:

– Дура, себя не жалеешь, так девицу пожалей. Представляешь, что с ней будет, когда Наиль ее во все дырки отдерет – на твоих, между прочим, глазах? А тебя в кашу измолотит. А утюжок горяченький на пузо – тебе как, понравится?

И внезапно сорвался на крик:

– Говори, говори, тварюга! Денег думаешь огрести? Что бы она ни наобещала тебе, это вранье, потому что нет у нее ничего, кроме перстня, а он мой, мой! Я за ним пришел!.. Наиль!

Наиль послушно сгреб тетю Галю с пола и, размахнувшись, ударил в лицо.

Та не вскрикнула. Крик ужаса вырвался у Альбины, увидевшей, как нелепо-невесомо пролетела тетка через комнату, врезавшись затылком в угол серванта. На миг замерла с вытаращенными глазами и широко открытым ртом, потом, будто в ногах вмиг исчезли кости, резко села на пол, мелко-мелко забив головой о шкаф.

«Что она делает, ей же больно?» – с ужасом подумала Альбина – и в голове воцарилась ослепительная пустота, стоило ей увидеть, как широкая лента крови хлынула из тети- Галиного

рта, как закатились глаза... а потом вздрагивающее тело мягко опустилось на пол и замерло бесформенной кучей.

Альбина впилась зубами в край ладони. Сердце зашлось, ноги подкосились.

Что-то больно вздернуло ее за руку, не дав упасть.

Наиль! Сейчас он ударит ее, как тетю Галю, и тоже убьет!

– Мурло! – с отвращением сказал Вольт. – Козел ты подзаборный, что ж ты мне натворил, мудила? Это же не Рогачов какой-нибудь, на ком же ты жабу выместил, а?

Наиль молчал, нервно притопывая. Рука, державшая Альбину, тряслась, и та тоже тряслась.

– Отморозок, хоть эту не придави, бычара! – рывкнул Вольт.

Наиль разжал пальцы, и Альбина, не устояв на ватных ногах, тяжело рухнула на колени, а потом растянулась на полу.

Прохладное прикосновение линолеума к щеке вернуло ей подобие сознания. Открыв глаза, Альбина увидела прямо перед собой босую короткопалую ногу тети Гали, ее ужасно распахнувшийся халат с порванным карманом, из которого торчал длинный узкий ключ.

– Ну, девица, плохи твои дела, совсем плохи, – вздохнул Вольт, утирая платком вспотевшее лицо. – Сил у меня нет больше терпеть эту жару. Придется снять и шубу, и шапку... но очень бы мне этого не хотелось! Чтобы ты видела меня, не хотелось бы, потому что тогда уж точно... Все, решай. Скажешь, где та баба, – останешься жива. Нет – измордуем и задавим. Поняла? Все равно ведь все выложишь, да поздно будет. Еще и сама смерти запросишь. Говори скорее, ну! – выкрикнул он, снова теряя терпение и с силой утыкая в бок Альбины тяжелый башмак.

Горечь подкатила к горлу, она подавилась криком – с привкусом желчи.

– Говори же! Наиль, а ну!..

– Нет, нет! – отчаянно закричала Альбина, выставляя руки и пытаясь остановить эту безжалостную боль, которая надвигалась на нее с каждым шагом Наиля, – и он вдруг замер.

– Стоп! – выдохнул с изумлением. – Я и сам знаю, где она!

Облегчение, разлившееся по сознанию, по телу, было обессиляющим, как смерть. Альбина блаженно простерлась на полу.

«Какое счастье! Значит, меня больше не будут бить!»

Осмелилась приоткрыть слипшиеся, заплывшие слезами веки, но тут же вновь зажмурилась, увидев стоптанную тапку тети Гали, слетевшую с ноги.

Еще совсем недавно эти тапки воинственно шлепали по ступенькам. Боже мой, как быстро, нет, как мгновенно жизнь сменяется смертью! Вот только что тетя Галя ходила поливать цветы к соседке, бранилась с племянницей, болтала по телефону о каком-то резаке...

И вдруг ее словно бы раскаленным острием пронзило. Догадка вспыхнула так внезапно и отчетливо, что Альбина перестала дышать.

Перстень, врезавшийся в опухший, оплывший палец... резак для тонкой работы... яростная агрессивность тети Гали, эти ключи в кармане... уехавшая соседка!

– Я знаю, знаю, – давился словами Наиль. – Она здесь, на пятом этаже! Соседка уехала, просила цветы поливать, да? И вот ключи! Там, там она, больше нигде!

– А вот это надо выяснить, – с расстановкой произнес Вольт.

Неторопливо поднявшись с кресла, он вытащил из кармана тети Гали связку ключей.

– Пойду посмотрю.

Жестом остановил Наиля:

– Я сам. Не волнуйся, мы найдем общий язык с этой... тварью.

Опустил руку в карман, вытащил пистолет, но тут же спрятал.

– Ой, как девица наша напугалась, а? Ничего, поживи пока. Вот я вернусь... Кстати, какая квартира у той соседки? Не слышу!

Угрожающе пригнулся к Альбине и довольно хохотнул, когда она прохрипела:

– Двадцатая!

– А ты за мной запри дверь, – велел Наилью. – Запри, запри, а то, не ровен час, принесет какую-нибудь соседку... за луком или за солью. Стукну по-нашему – откроешь. Если найду, чего ищу, то задержусь, наверное, так что время у тебя есть.

– Можно, да? – обрадовался Наиль.

– А чего ж? Зря ты, что ли, целый день на морозе проторчал? Побалуйся, только без шума. И чтоб к моему возвращению...

– Понял, – кивнул Наиль, выходя вслед за Вольтом в коридор. – Я быстро. Но и ты там особо не задерживайся.

Послышалось щелканье замка, досадливое ворчание Вольта:

– Черт, наворочали тут...

– Сейчас, дай-ка я, – бормотнул Наиль. – Вот, готово!

Альбина приподнялась на локтях. Все плыло перед глазами, в ушах звенело. И вдруг почему-то вспомнилось, как она сказала – там, еще в машине, Наилью: «Подумаешь, что такого, я каждый вечер одна хожу – и ничего!» А он многозначительно ответил: «Больше не будете!»

Ох, что только не услышалось ей в этих словах, а на самом-то деле в них таились лишь издевка и угроза: не будешь ходить здесь, потому что я убью тебя сегодня же вечером!

Она затравленно огляделась. Телефонная розетка оторвана – и не заметила, когда они сделали это.

Что-нибудь тяжелое... ударить Наиля, когда вернется. Убить!

Господи, да она ничего не сможет поднять, такая слабость овладела телом. Руки подгибаются...

Вдруг прохладное дуновение коснулось лица.

Окно!

С внезапно вернувшейся силой Альбина вскочила, одним прыжком пересекла комнату. Узкая створка и для кошки тесна, а широкая заделана на зиму!

Вцепилась в шпингалеты, ломая ногти, потом рванула ручку.

Затрещала бумага, которой было заклеено окно, полетели пыльные клочья ваты. Порыв ветра ударил в лицо так, что Альбина задохнулась.

В коридоре грохнула дверь. Сквозняк! Они догадуются!

Не раздумывая, вскарабкалась на подоконник, и, согнувшись, шагнула вниз, ничего не различая в морозной стеклянной мгле.

Чудилось, она летит вниз целый век – неуклюжим комом, кричащим от ужаса. Нет – кричало нутро, а рот был забит ветром. Но этот студень клуб вылетел, как пробка, вместе с воплем, когда она с силой ухнула на что-то ледяное, как бы сырое, сильно прогнувшееся под тяжестью тела и при этом слегка спружинившее.

Альбина проползла по чему-то скользкому, блескуче-синему.

Боже! Да ведь это тент трейлера, который вечно торчит под окнами! Мужика, которому принадлежит этот трейлер, ненавидел весь дом, потому что он начинал прогревать мотор с пяти утра, еще раньше самых ранних собачников нарушая сладкий предутренний сон. Но если бы не этот трейлер, Альбина угодила бы прямоком на занесенные снегом кусты... как на копыта!

Руки и ноги разъезжались, но она все-таки смогла сообразить, где будет лучше спуститься с благословенного тента, и сползла наконец на землю.

Глянула вверх – и странно далеким показалось полураспахнутое, ярко освещенное окно на четвертом этаже. Однако в следующую минуту оно сделалось опасно близким, потому что

в нем обрисовался темный широкоплечий силуэт. Мужчина пригнулся, всматриваясь вниз, и Альбине почудилось, будто он глядит ей прямо в глаза.

Рванулась мимо подъездов, среди машин, загромождивших дорожку, прямо к шоссе. Замороженная, ярко освещенная коробочка наплывала из тьмы. Остановилась рядом с Альбиной, громыхнула дверями, выпустила в задымленное, провонявшее бензиновым перегаром нутро.

– Не забывайте компостировать талоны. Проездные предъявляйте пассажирам. На линии контроль. Следующая остановка – магазин «Океан».

Альбина прилипла к заднему стеклу. Нет, никто не бежит сзади по дороге, не сверкает огнями зловеще-белый «Форд».

Она сбежала, сбежала от них!

Огляделась, лихорадочно сбивая ладонями слезы. На передних сиденьях дремлют несколько человек. Автобус, можно сказать, пуст, и никто не обратил внимания на перепуганную пассажирку в сползающих джинсах (при падении отлетела на поясе пуговица и лопнула «молния»), в свитерке с оборванным рукавом – и в одних только носках.

Как это сказал Вольт про исчезающую раненую? Не могла же, дескать, она босиком, в одной рубашке сбежать по морозу? Ого! Если ей грозило то же, что Альбине, – могла и босиком, и по снегу, и по льду, еще как могла!

Озноб ударил внезапно, как враг, и пробрал до самых костей. Альбина скорчилась на сиденье, поджав колени к подбородку.

Ничего. Это ничего, ничего. Только две остановки. Она выдержит, она не замерзнет.

Через две остановки – отделение полиции. И все наконец закончится!

* * *

«Ганнибал – «арап Петра Великого», негр по крови, прадед (по матери) поэта Пушкина. В биографии Ганнибала до сих пор много невыясненного. Сын владетельного князька, Ганнибал родился, вероятно, в 1626 г.; на восьмом году похищен и привезен в Константинополь, откуда в 1705 или 1706 году Савва Рагузинский привез его в подарок Петру I, любившему всякие редкости и курьезы, державшему и прежде «арапов»».

И в Брокгаузе с Ефроном все, как и в других словарях: общие места, ничего конкретного ни о племени, ни о названии народа. «Арап» – вот и все дела. Но тогда так называли и арабов, и эфиопов, и кого угодно, тем более мало кому известных лесных туарегов, иначе – асаров. Пожалуй, придется поверить на слово. Или не поверить?..

Герман закрыл Брокгауза, нашарил выключатель над головой и, погасив свет, уставился в пронизанное бледным лунным лучом стекло, по которому струились белые разлапистые узоры.

«Побеги морозных растений вверх поднялись – к пущей стуже», – вспомнил он примету, которой его научила тетя Паша. Куда уж пуще! И так завернуло без жалости, за день столбик термометра рухнул с нуля до двадцати двух, а теперь уже к тридцати подбирается.

Натянул на плечи одеяло, поверх другое и свернулся калачиком, пытаясь подавить не утихающий озноб. После того длительного кровопускания его беспрестанно морозит. Да и вообще в том крыле больницы, где живет Герман, холодновато. А каково там бедолаге Абергаму Алесану... и все такое? Впрочем, в его палате должно быть тепло. Герман приказал топить там печи без перерыва, чем заслужил вековую, пожалуй, ненависть истопника Сергеича, которого он таким образом лишил всей новогодней, рождественской и старонОВОГОДНЕЙ сласти – напиться до одурения.

– Не будешь топить постоянно – выгоню вон! – тонким, злым голосом сказал Герман и показал Сергеичу заготовленный заранее приказ, за подписью, между прочим, не своей, а Маркелова, главврача.

При этом он держал бумагу двумя пальцами за край, очень ловко прикрывая число: трех-месячной давности. Тогда, по ранним октябрьским холодам, в больнице воцарилась стынь-стужа, а Сергеич гулял на всю катушку, отмечая наступление знаменитой болдинской осени. Образумила его сестра, узнав, что приказ об увольнении уже подписан и в больнице срочно ищут нового истопника. Что характерно, его почти нашли, и Герман до сих пор жалел, что Маркелов не довел дело до конца: сестра Сергеича, безответная и самоотверженная тетя Паша, заплакала-таки главврача. Хотя... хотя еще неведомо, как сложились бы отношения с новым истопником. Против Сергеича теперь хотя бы есть оружие в виде старого приказа, а если он и возненавидел на всю жизнь этого «хер-р-руга», оставшегося в праздники в больнице и установившего сущую диктатуру, то вышеназванному на это глубоко плевать.

Главное, чтобы тепло было!

Герман усмехнулся, вспомнив, как вчера плакали от жары стекла в операционной палате. Больной, весь полосатый от повязок, будто зебра, лежал в чем мать родила, и старая ханжа тетя Паша стыдливо отводила взор от его вызывающе торчащего среди бинтов достоинства, которому глубокое беспамятство хозяина как бы даже на пользу пошло.

– Ишь ты, африканский жеребец! – восхитился Сергеич, заглянувший проверить «накал градуса», как он выразился, и вышел, утирая лисьим малахаем мигом взопревшее лицо и добавив крутую рифму к слову «жеребец».

А Герман подумал, что Сергеич, похоже, больше изумлен именно выдающейся оснасткой новогоднего пациента, чем самим фактом его появления в Болдине. Да и тетя Паша видела теперь в незнакомце только послеоперационного больного, которого надо терпеливо выхаживать и ставить на ноги, в чем она была великая мастерица. Сам же Герман привык к пациенту, пока стоял над столом и орудовал иглами, которыми он сшивал рваные раны на этом черном, как антрацит, теле.

Но что было с ними троими, когда, услышав истошный сигнал под окнами, они выскочили на крыльцо и увидели габаритные огни «КамАЗа», таявшие в снежной замяти, а на ступеньках – бесчувственное тело, на котором, чудилось, не было живого места!..

Незнакомец был весь покрыт коркой запекшейся крови, вдобавок – обожжен: так им сначала показалось. И только через несколько минут тетя Паша, срезавшая с тела клочья одежды, вдруг уронила ножницы, перекрестилась и воскликнула с ужасом:

– Ангел или чеченец?!

«Чи жид, чи москаль?» – вспомнил Герман анекдот про хохла, к которому дочка привезла мужа на смотрины, и прыснул было. А чего тут смешного? Тетя Паша небось только по телевизору негров и видела, а по телевизору, известно, всякое показывают, даже инопланетян, но это ведь не означает, что они на самом деле существуют!

За стенами больницы выло, било по стеклам, смерти топотали по крыше, будто туда высаживался десант дьяволов. Ночь выдалась совершенно гоголевская, о такой говорят: «Черт украл месяц»; правда, не рождественская, а новогодняя. В больнице оставалось из всего персонала только трое: Герман – дежурный врач, тетя Паша – дежурная сестра и пьяненький истопник Сергеич, притащившийся ровно в полночь облобызывать свою многотерпеливую сеструху с Новым годом.

Пациенты на эту ночь все разбрелись по домам, врачи, соответственно, тоже, и вместе с боем кремлевских курантов, донесшимся из комнаты отдыха, где стоял телевизор, в сознание Германа ударила пугающая мысль, что операцию этому умирающему, жестоко искалеченному человеку вынужден будет делать он – немедленно и практически в одиночестве.

Это, конечно, какая-то фантастика, но все врачи и медсестры родом были из ближних и дальних окрестных деревень, а потому разъехались под Новый год – не сыскать. Главврач, он же главный хирург, который, собственно, и должен был бы оперировать (Герману оставалось бы только ассистировать), жил, правда, в Болдине. Однако, точно по уговору со злодейкой

судьбой, он именно вчера, 31 декабря, сломал ногу в собственном дровянике. Герман ему сам же накладывал днем гипс и убеждал не тревожиться. Анестезиолог (рентгенолог по совместительству) опять-таки вчера на последнем рейсовом автобусе умчалась в Арзамас, где жила ее дочь, которую увезли на «Скорой» с преждевременными родами.

Герман оказался один – до жути один. И ждать было нельзя: черный умирал.

...Он сам давал анестезию – сам и оперировал. Тетя Паша, причитая и молясь, ассистировала, почти не путаясь. А Герман работал, изредка вскидывая голову, когда очередной вихрь с особенным остервенением перебирал стекла в окнах, – и вспоминал любимого Булгакова, «Записки юного доктора», про то, как герой в разгар операции бегал к себе в кабинет поглядеть в справочнике, что дальше делать. Герман бы тоже с удовольствием сбегал, да боялся, что негр в это время помрет.

А потом выяснилось, что кончилась кровь... а дело завершилось тем, что Герман лежал на одном столе, негр, забинтованный с ног до головы, на другом, а их руки, белая и черная, были соединены красной пульсирующей трубочкой, по которой кровь Германа перетекала в чужое бесчувственное тело.

От усталости и недосыпа кружилась голова, ну и, конечно, резкая и обильная кровопотеря давала себя знать (все-таки сдать пол-литра крови и выпить пол-литра водки – равно головокружительные занятия!). За окном по-прежнему металось, выло и ухало. Тетя Паша, от вечного умерщвления плоти и нынешней усталости белая и полупрозрачная, будто призрак, качалась между ними, вглядываясь то в одно, то в другое лицо, и чувствительно пощипывала Германа, когда он сонно заводил глаза:

– Нельзя спать! Нельзя!

Герман тупо таращился в окно.

– Мчатся тучи, выются тучи, – начал он бормотать, чтобы хоть как-то разогнать обморочный звон в голове, – невидимкою луна освещает снег летучий; мутно небо, ночь мутна. Еду, еду в чистом поле; колокольчик дин-дин-дин... Страшно, страшно... но не боле... среди неведомых равнин...

«Почему это – страшно, но не боле? – спохватился вдруг. – Страшно, страшно поневоле, вот так надо говорить! А, понятно, это уже бред».

Колокольчик в голове делал свой дин-дин-дин все громче и громче. Было страшно, но не боле. А вот спать хотелось отчаянно!

– Хватит, тетя Паша, – пробормотал Герман как мог более внятно, приподнимаясь на локте... или уверяя себя, что приподнимается. – Хватит импортировать русскую кровь!

И осекся.

Серые губы человека, безжизненно простертого на соседнем столе, дрогнули. Сначала с них сорвался хрип, потом какие-то бессвязные курлыкающие звуки, но вот Герман услышал слабенькое бормотание:

– Мчатся тучи, выются тучи; невидимкою луна освещает снег летучий; мутно небо, ночь мутна...

У Германа зашевелились волосы на голове. Этот хриплый, чуть живой голос повторял с ужасным акцентом те же самые слова, которые он только что нашептывал! Это что же... что же это получается, а? Незнакомый негр, занесенный новогодним ураганом в болдинскую глушь, с русской кровью впитал в себя русские стихи? То есть вместе с потоком красных кровяных телец Герман передал ему свои мысли и чувства?!

«Интересно, как он прочтет дальше: «поневоле» или все-таки «не боле»? – подумал Герман, не в силах решить, перекреститься ему на всякий случай или нет.

– Сил нам нет кружиться доле; колокольчик вдруг умолк; кони стали... «Что там в поле?» – «Кто их знает? Пень иль волк?»

Герман тихо ахнул. Другие слова! Те же стихи, но дальше. Он что, этот негр, читает Пушкина по-русски? Наизусть?!

Ну бред, конечно. Снежная сумятица нашептала, надула в его бедную головушку бесовское наваждение. Вон клубится за окнами их хоровод, ежесекундно меняя их очертания!

– Бесконечны, безобразны, в лунной месяца игре закружились бесы разны, будто листья в ноябре, – прошептал он, роняя голову на подушку.

– Сколько их! Куда их гонят? Что так жалобно поют? Домового ли хоронят, ведьму ль замуж выдают?.. – вторил ему глуховатый голос с акцентом, и тетя Паша истово крестила обоих чтецов: белого и черного.

Наутро выяснилось, что ни к бесовщине, ни к бреду ночные происшествия отношения не имели: полуживой, но удивительно живучий негр действительно знал наизусть чуть ли не всего Пушкина. И по-русски! А едва не погиб он в эту ночь именно потому, что должен был во что бы то ни стало оказаться нынче в Болдине. В месте, связанном с именем своего великого родственника...

Да, да! Великий Бык, Слон Могучий. Первый Леопард Джунглей, Сын Неба и Белой Горы... и так далее и тому подобное, Алесан Сулайя уверял Германа, что происходит из того самого племени лесных туарегов, в некоторых источниках более известных как имазирги или асгары, которое и было родным племенем баснословного Ибрагима Ганнибала. И его имя – Алесан – не что иное, как Александр: в транскрипции туарегов.

В свое время отцу Алесана, Абергаму Сулайе, изучавшему историю, философию и право в Кембридже, случайно попал в руки томик стихов Пушкина с тем самым юношеским портретом поэта, в котором, как нигде сильно, проступали африканские черты: курчавые волосы, вывернутые губы, сверкающие глаза. Фамильное сходство этого незнакомца со своими предками поразило молодого короля в самое сердце. Он узнал о «русском туареge» все, что мог, и чем дальше, тем больше убеждался, что Ибрагим Ганнибал, «арап Петра Великого», – не кто иной, как похищенный в раннем детстве Абергам, – старший сын Великого Быка Сулайи VIII. Нынешний Сулайя был четырнадцатым носителем родового имени. После этого похищения правящий титул перешел к младшему сыну короля. Но если бы не исчезновение Абергама, младшей ветви не видать бы трона как своих ушей! В память о похищенном принце всех мужчин их рода Сулайя теперь называли Абергамами.

Абергам Сулайя XIV не был чужд исторической справедливости. Он попытался разыскать в России потомков своего родича, однако в конце шестидесятых годов, живя в Англии, это было не так-то просто сделать. Вдобавок атмосфера Туманного Альбиона вредно отражалась на здоровье молодого короля. Он поспешил вернуться на родину, чтобы назначить наследником старшего из своих немногочисленных (всего лишь тринадцати) сыновей, разница в возрасте которых составляла несколько дней, неделю, едва ли месяц. Согласно законам лесных туарегов, отправляясь в дальний путь, король должен постараться оплодотворить как можно больше женщин, чтобы семя его (воплощение бессмертной души) рассеялось в родных местах и не переставало звать к себе из тех чужедальних далей, куда он был намерен отправиться. За отведенный для этого месяц Абергам возлег с девяносто пятью женщинами племени. Результатом обряда стали сорок детей. Однако мальчиков родилось только тринадцать, из чего дукуни племени сделала вывод, что нынешний Сулайя довольно скоро уступит место следующему.

Однако в ту пору он был еще вполне жив.

Наследному Великому Быку к тому времени едва исполнилось три года, и у него еще не было никакого имени. Его называли просто даку – мальчик, иногда даку соли – мальчик короля, и он не сразу привык к тому, что теперь его имя – Абергам Алесан, будущий Сулайя XV, и прочая, и прочая, и прочая...

Ради спасения собственной жизни королю запретили покидать Африку: дукуны и дукуни туарегов оказались в этом единодушны с белыми врачами. Да у него и на родине хватало дел: нелегко бороться с влиянием белых на Черном континенте, желая и коренную Африку сохранить в неприкосновенности, и дать ей все блага западной цивилизации! Чтобы лучше узнать врага изнутри (самым сильным врагом, конечно, была Америка), он послал сына не в Кембридж, а в Гарвард, дав свой родительский наказ: непременно побывать в России.

И Алесан исполнил волю отца. Впрочем, без особой охоты. Он, конечно, съездил в Михайловское и даже в Тригорское, однако в Болдино, затерявшееся где-то в глубинах дремучей Нижегородчины, его не тянуло. Алесан превесело проводил время в Москве, как вдруг получил известие, что английский сплин догрыз-таки его отца: тот лежит на смертном одре и призывает молодого принца немедленно вернуться.

В том, что отец первым делом спросит, отдал ли Алесан родственный долг великому русскому африканцу, он не сомневался ни минуты. Перед ним стоял выбор: солгать умирающему или огорчить его. Алесан решил не делать ни того, ни другого: прыгнул в белый внедорожник «Шевроле», более других его автомобилей напоминающий любимого белого слона, который ждал хозяина в джунглях, – и погнал его в Нижегородскую губернию, пытаясь повторить путь своего родича.

Алесан уже приближался к месту своего назначения, когда солнце скрылось, началась метель. Вскоре в полуметре ничего нельзя было разглядеть. Алесан даже не заметил «КамАЗ», выскочивший навстречу на полной скорости. Помнил только боль... которая терзала его долго-долго, а потом чудесным образом почти прошла при звуках тихого голоса, бормотавшего любимые стихи умирающего короля лесных туарегов:

– Мчатся тучи, выются тучи...

Потом Алесан уверял Германа, что его спасла не только смелая операция, не только щедро данная кровь, но и эти слова, которые принц с детства помнил и привык считать чем-то вроде колдовского заклинания. Было нечто непостижимое в том, что белый человек, отдавший Алесану свою кровь, вдруг начал читать именно эти стихи! Принц не понимал, что, живя в Болдине, невозможно не дышать Пушкиным, и уверял Германа, будто дух отца вселился в русского доктора, чтобы воскресить сына-наследника.

Но все это было сказано потом, потом... Потом они условно восстановили картину аварии: шофера, едва не убившего Алесана, но все же доставившего его в больницу, так и не удалось разыскать. Потом вместе помянули короля лесных туарегов – он так и не дождался сына. Потом называли друг друга побратимами и поклялись в вечной дружбе. Потом Алесан взял с Германа слово непременно навестить его – и уехал восходить на трон, который, судя по косвенной информации, начал ощутимо шататься под отсутствующим королем. Герман слово-то дал, но подумал, что съездить в Африку ему так же реально, как побывать в поясе астероидов.

Потом... потом он узнал, что сестра Лада вышла замуж за Кирилла Смольникова, – и ощутил, что ему хочется оказаться подальше не только от Нижнего Новгорода и от Москвы, где поочередно решили жить молодые, но и вообще от России. Как можно дальше! Желательно на краю света.

В Африке, например.

Он дождался вызова от Алесана и уехал. Он хотел пробыть в Африке как можно дольше, например год!

Герман вернулся через семь лет.

* * *

– И что было потом? – сочувственно спросила Валерия.

– Отпечатки пальцев взяли. Ты представляешь? Как будто я...

– Дело не в тебе. Вполне обычная процедура. Надо же отделить в квартире твои и тетнины отпечатки от чужих. Недавно в газете читала: маньяк убил девочку, задушил, полиция сразу взяла отпечатки у родителей, так из этого журналисты такое раздули... Дальше что?

– Дальше...

Альбина тяжело вздохнула и чуть не с головой погрузилась в ванну. На поверхности воды пузырился толстенный слой мыльной пены. Хотелось нырнуть туда с головой – и уже никогда не показываться. А что? Сделать под водой глубокий вдох – и...

Конечно, глупости: Валерия рядом – выдернет за волосы. Да и вообще – по своей воле трудненько утонуть в ванне, даже если это и джакузи. Однако мысль «сделать под водой глубокий вдох – и...» уже посещала ее сегодня. Не так определенно: чтобы непременно утопиться, а просто – мысль о покое как средстве спасения. Выхода. Освобождения...

О нет, пришла эта мысль не в ту минуту, когда, перевалившись через подоконник, Альбина грохнулась в морозную ночь. Тогда она и впрямь хотела сохранить жизнь. А вот потом, через четыре-пять часов... а может быть, и через шесть-семь, она уже и не помнила хорошенько. Словом, когда тот капитан или лейтенант – Альбина не разбиралась в званиях, да и вообще все в отделении казались ей на угрюмое, недоверчивое одно лицо – вдруг глянул на нее насмешливо и брякнул:

– Что, призраков боитесь?

Альбина робко пожала плечами. Она только сказала этому оперу, что не хочет оставаться одна в квартире, в которой весь пол испещрен грязными следами, видны пятна крови, рядом с сервантом, где лежала мертвая, обрисован бесформенный силуэт, а с окна содрана занавеска. Убрать что-либо, даже вывернутые из ящиков вещи (полицейские почему-то первым делом сделали тщательнейший обыск) ей запретили. «Вдруг что-то еще понадобится прояснить в картине преступления», – было сказано.

Но вовсе не поэтому Альбине нестерпимо хотелось исчезнуть из дома. В ушах еще звучал подлый хохоток Наиля, вкрадчиво-нетерпеливый голос его сообщника, крики тети Гали... Да, слова о страхе перед призраками были не так уж далеки от истины! Однако еще больше она боялась живых: боялась возвращения тех, кого этот опер в протоколе округло назвал подозреваемыми – все еще подозреваемыми, а не убийцами и грабителями, хотя Альбина совершенно ясно рассказала ему, как было дело!

– При чем тут призраки? – спросила она, с трудом сдерживаясь, чтобы не зарыдать в голос от ни с чем не сравнимой усталости, которая так и гнула к земле, путала мысли в неразличимый ком. – Я же свидетельница – кажется, единственная? Я видела их, могу опознать. Вдруг они вернутся, чтобы все-таки разделаться со мной?

– А зачем же им с вами разделяться? – с удивительным тупоумием поинтересовался опер. – Разве вы им еще не заплатили?

Альбина растерянно моргнула. В каком смысле? Это он так шутит, что ли?.. И вдруг, взглядевшись в равнодушные глаза, внезапно ставшие цепкими, просто-таки высасывающими, она поняла, что в этой шутке нет ни доли шутки. Он говорит серьезно!

И залилась краской, как дурочка, и уставилась на него жалобно, потерянно, и залепетала что-то вроде:

– Да как вы можете... да как вы смеете... да как вам такое в голову могло прийти?..

– А что? – спросил он быстро, напористо. – Что тут особенного? Я вам столько всяких сюжетов рассказать могу, что если б их взялся описывать какой-то писатель, ему сказали бы: ну, брат, ты это зря, такого в жизни не бывает! А между тем бывает всякое. К примеру, живут вместе мать и дочь, отец и сын или, как в данной ситуации, тетка с племянницей. Плохо живут: не лучше, чем кошка с собакой! У тетки характер прескверный, осточертели племяннице ее придирки, она и думает: чего эта старая мырма мой век заедает? Вот было бы здорово, если

бы в один прекрасный день ее черти в ад уволокли! Однако время идет, тетушка догрызает племянницу, а чертей что-то не наблюдается. И начинает племянница сама вступать в контакт с этими самыми чертями... при этом вовсе не связываясь с сектой сатанистов и не занимаясь столоверчением!

Альбина заметила, что слушает с открытым ртом, и поспешно сжала губы. Неловко улынулась – и вдруг ее охватил страх. Так страшно не было, даже когда увидела алую ленточку крови на тети-Галином подбородке, даже когда человек в дубленке сказал Наилу: «Чтоб к моему возвращению все было кончено!», даже когда летела с четвертого этажа не то в спасительную, не то в губительную тьму. И тогда она поняла, что подписка о невыезде была взята с нее в полиции совсем не для того, чтобы Альбина в любую минуту могла опознать преступников. И совсем не для того был проведен обыск, чтобы обнаружить какие-то новые их следы. И отпечатки пальцев сняли у нее отнюдь не только затем, чтобы отличить их от «пальчиков» убийц. Ее подозревали... может быть, даже сильнее, чем тех двоих, которые пока и в самом деле представлялись полиции какими-то нереальными существами, а она, Альбина Богуславская, – вот она, здесь, вполне конкретный человек, к тому же имеющий свой животрепещущий интерес в теткиной смерти...

– А ты им, конечно, и про завещание Галины Яковлевны выложила, да? – спросила Валерия, окуная палец в воду. – Добавь-ка горячей, добавь.

– Да я тут скоро сварюсь, – простонала Альбина.

– Разве что всмятку, – утешила Валерия и сама отвернула кран. – Лучше свариться, чем свалиться – с воспалением легких. Ты же чуть ли не сутки пробегала раздетая и босиком!

Да уж... Почему-то никому, в том числе и самой Альбине, не пришло в голову, что свитер и джинсы – не самая подходящая одежда для января, а шерстяные носки – не самая подходящая обувь. То есть она, конечно, потянулась машинально к шубке и ботинкам, когда опергруппа еще только появилась в квартире, привеза с собой и Альбину, но эксперт-криминалист так рывкнул на нее: «Ничего не трогать! Пальцы!», что она сочла за благо забыть о такой мелочи, как собственная одежда. И забыла, да настолько прочно, что даже к Валерии прибежала все в тех же носках, свитере и джинсах... правда, волоча за собой сумку, в которую сложила шубку, ботинки и шапочку. И паспорт не забыла, главное! Это был, конечно, уже настоящий шиз! А поскольку на дворе стоял белый день, неудивительно, что встречные кто шарахались от нее, а кто, наоборот, сбегались поглазеть. По улицам слона водили, как видно, напоказ; известно, что слоны в диковинку у нас, так за слонем толпы зевак ходили... И у Валерии было приблизительно такое же выражение лица, как если бы к ней, на второй этаж хорошенького, кокетливого особнячка, вдруг ввалился сбежавший из зоопарка слон. Альбина почему-то даже не подумала о том, что Валерия начисто забыла их единственную встречу, может не узнать, вообще с лестницы спустит...

Не спустила. Хотя некоторое время и стояла в ступоре. И вдруг, тихо ахнув, вцепилась Альбине в плечо, втащила в тесную прихожую, а оттуда погнала напрямик в ванную.

Альбина дрожащими губами улыбалась, мечтая только об одном: не рухнуть в обморок прямо сейчас, на этот черный кафельный пол, а Валерия, сурово сведя тонкие, длинные брови, содрала с нее одежду и затолкала в невиданно широкую ванну, со всех сторон которой на Альбину полились струи раскаленно-горячей воды. Шелестя шелком халата и звеня браслетами, во множестве обвивавшими ее худые запястья, Валерия исчезла, но тотчас вернулась с большим хрустальным стаканом. Прижала его к губам Альбины:

– Пей! Живо!

Та подумала было, что ей сейчас же придет конец от коньяка, однако в голове помутилось только в первое мгновение, а потом волшебным образом прояснилось: настолько, что она перестала трястись, всхлипывать и нервно дергать веками, обрела власть над мыслями, спра-

вилась с заплетающимся языком – и даже смогла более или менее связно пересказать Валерии все, что происходило в последние дни.

– ...Про завещание? – Альбина рассеянно снимала с волос хлопья пены. – Нет, я про него и сама не знала. Тетя Галя говорила что-то в этом роде, но раньше. А в последнее время и правда наши отношения как-то так напряглись... И потом, я думала, что по закону будет наследницей моя мать. Они ведь с тетей Галей родные сестры. А этот листочек, заверенный нотариусом, нашли при обыске под тети-Галиным матрасом. Там были и документы на квартиру, и все такое. Ну и после этого ко мне еще пуще прицепились. Господи, да я эту квартиру вместе с этой Москвой... – Она хохотнула. – Велика ценность!

– Ну, об этом твоём отношении никто ведь, кроме тебя, не знает, – рассудительно сказала Валерия. – А самостоятельно до такого додуматься москвичу не только трудно, но и невозможно. К тому же твой знакомый опер небось и впрямь столько навидался на своем рабочем месте, что его трудно винить за подозрительность, что бы он тебе ни наговорил.

– Ага, – покорно кивнула Альбина. – Много чего наговорил, это уж точно. Например, что только с моих слов можно составить портреты предполагаемых убийц. Предполагаемых, заметь себе! Вообще он был так осторожен в выражениях по отношению к ним, будто боялся права человека нарушить. Зато насчет меня не стеснялся высказываться... Так вот относительно этих визитеров. Ни соседи их не видели, никто. Так что еще неизвестно, был ли мальчик-то. А если и был, то, вполне возможно, не мужик лет тридцати с восточными чертами лица и еще один, среднего роста, в дубленке, а вообще какие-нибудь толстый и тонкий, Тарапунька и Штепсель, Гаргантюа и Пантагрюэль... В смысле, еще не факт, что я их точно обрисовала, – могла ведь и соврать. Что тут скажешь? И правда – у того, второго, я могла описать только дубленку, да ботинки, да белый платок. Ну и голос, да и тот был приглушен платком. А если он, к примеру, переоденется и заговорит с другой интонацией – я ведь его в упор не узнаю!

– Ладно, со вторым все ясно, – кивнула Валерия. – Но этот Наиль... имя, конечно. Татарское, но совсем даже не факт, что это его имя! – его ведь, кроме тебя, видела эта твоя подружка из универмага, не так ли? И возможностей разглядеть его подробно у нее было не меньше, чем у тебя. Ты догадалась сказать в полиции про эту Катерину или как ее там?

Альбина снова сползла на дно ванны, так что пена поднялась до подбородка.

– Догадалась, а как же! – буркнула зло. – Почему ты думаешь, что я такая уж тупая? И они, заметь, в этом отделении тоже востры оказались. Не поленились съездить в универмаг, выдернуть Катюшку прямо из витрины и допросить. Надо полагать, у Бузмакина разрыв сердца случился от такого святотатства! Не сомневаюсь, что Катюшка здорово от этого допроса пострадает. Ну а мне дорога в универмаг, само собой, закрыта, тут и говорить нечего!

– Не отвлекайся, – нетерпеливо сказала Валерия. – Итак, допросили ее. И что?

Альбина вздохнула.

– А ничего. Она сказала, что никакого Наиля в глаза не видела.

– Как это? – Валерия картинно вскинула брови.

– Да так уж. Ну, пялился на нас сквозь витрину какой-то парень, но ведь каждый день кто-нибудь да пялится. Разве упомнишь всех? А после работы мы с ней пошли, дескать, в разные стороны: она на метро, а я незнамо куда.

Валерия усмехнулась:

– Я так и думала. Уж очень настойчиво она обращала на этого парня твое внимание, уж очень старалась тебя настроить, чтобы поехать с ним. И даже сама села в машину, чтобы тебе легче было решиться. А это может означать только одно: что Катюшка этого самого Наиля прекрасно знает, более того – весь день по его наводке действовала. Да нет, погоди бледнеть! – махнула она на Альбину, которую и впрямь, несмотря на курящуюся паром воду, опять проbral озноб. – Не думаю, что Катюшка знала, какая участь тебе уготована. Этот Наиль мог ей

чего-нибудь наплести: мол, умирает, хочет с тобой познакомиться, а робеет подойти... что-то в этом роде. Поднес ей цветочки, коробку конфет, к примеру...

– Катюшка шоколад не ест, – мрачно перебила Альбина. – У нее от шоколада аллергия страшнейшая.

– Что, судороги начинаются? – усмехнулась Валерия. – Ну, не шоколад – духи, а то и просто баксовую бумажку сунул. А когда нагрянула полиция, Катюшка смекнула, что милая и приятная шуточка кончилась для тебя плохо, – и ринулась наутек. Вряд ли стоит ее так уж строго судить.

– То есть ка-ак?! – ахнула Альбина.

– Осторожно, не захлебнись! – схватила ее за плечо Валерия. – Еще только твоего трупа в этом деле не хватало. Представляешь? Тогда твой ушлый оперок запросто сможет меня обвинить в организации всей этой жуткой цепочки. Понимаешь, о чем речь? Кто-то же убил через окно Рогачева – так, кажется, его называли? – под которым нашли недоделанного транс. Кто-то же послал к вам этих двух убийцев! И все из-за транс, бесследно исчезнувшего! Кому же он так насолил, интересно?

– Интересно, – кивнула Альбина. – А он и вправду исчез бесследно. Если сначала полицейский еще пытался мне как-то поверить, то, побывав в соседкиной квартире, сразу перестал. Нет, говорит, там никаких следов пребывания постороннего человека, тем более – раненого. И никаких следов борьбы, которые бы свидетельствовали, что оттуда кого-то силой выволокли. То есть он имел в виду, что и это вранье. А если эта женщина... ну, транс этот почуял неладное и сбежал еще раньше, чем бандит пришел за ним? Тот явился – а квартира пуста. И что это означает: нет следов пребывания раненого? Там что, окровавленные бинты на полу валяться должны? Так это ведь только в кино бывает.

– Не только. – Валерия, охнув, поднялась с низенькой табуретки. – Все ноги отсидела. Пойду приготовлю чего-нибудь на ужин, а ты вылезай, хватит мокнуть. Думаю, после такой парилки тебя никакая пневмония не возьмет!

И, сунув Альбине огромное розовое полотенце, она ушла, сопровождаемая, как всегда, шелестом шелка и перезвоном серебра.

Альбина постояла под душем, а потом благоговейно обернулась душистым розовым облаком. Поглядела на халат, который предстояло надеть. Боже, какие красивые вещи! До чего же отличается жизнь Валерии от ее жизни... от которой теперь и вовсе остались одни осколки...

И вдруг Альбина замерла, незряче уставившись в запотевшее зеркало и воздев к спутанным волосам щетку. Ее поразила жуткая в своем бесстыдстве мысль, что среди всех многочисленных, перепутанных, будто клубок старых ниток, событий последнего дня не нашлось даже малюсенького местечка для элементарной жалости – о прошлом, о прежней разбившейся жизни, худо-бедно налаженном укладе. Все, все в этом прошлом, оказывается, опостылело ей настолько, что она даже с помощью угрызений совести не могла заставить себя сокрушаться о былом.

Да уж, той ночью она пережила настоящий кошмар, однако... с каждой минутой он отдалялся все дальше и дальше. И Альбина уже знала, что, сделав все необходимое для тети Гали и ее памяти, дождавшись наказания преступников, она постарается забыть случившееся как можно скорее. Ибо тот вечер и та ночь принадлежат мертвому прошлому, а она... она еще жива!

«Вот именно – еще, – напомнила себе Альбина. – Еще. Пока. Чудом! Так что не больно-то мечтай о новой жизни. Как бы из старой не протянулась рука – и не...»

– Как ты думаешь, – сказала она, входя в ало-золотистую от хохломской посуды кухню и усаживаясь на мягкий кожаный табурет, – они будут меня искать?

– Да уж наверное! – Валерия со страшной силой крутила ложку в чаше, полной чего-то, обильно политого майонезом. – Однако я бы на твоём месте им непременно позвонила и сообщила, где поселились. На всякий случай.

Альбина так резко выпрямилась, что чуть не сбила с полки над своей головой деревянную вазу с белыми, серебристыми лунариями.

– Что?.. Ка-ак? Позвонила бы?!

Валерия задумчиво лизнула ложку.

– Да. А что? Найдут какой-то след, опознание какого-то подозреваемого проведут. В конце концов додумаются устроить тебе очную ставку с этой сучкой Катюшкой, хотя на их месте я именно с этого начинала бы...

– О господи, – перебила Альбина, обвисая на табурете. – Так ты о полиции! А я-то...

Валерия растерянно моргнула.

– Да уж! Мы оба были: я у аптеки, а я в кино искала вас... Это называется – не поняли друг друга! Мое предложение позвонить преступникам и сообщить адресок снимается в первом чтении. Вовсе не хочу, чтобы сюда нагрянули эти ухари и разорили мое гнездышко!

Валерия одобрительно оглядела стены кухоньки, более напоминавшие выставочный зал. Но тут же она взглянула на Альбину и заметила тоску, мелькнувшую в ее глазах.

– Кстати, чтобы сразу снять все вопросы. Само собой разумеется, ты останешься у меня, пока все не уладится и не захочешь вернуться домой. И не возражай: во-первых, другого выхода у тебя нет, а во-вторых, тебе именно этого хочется, правда?

Альбина не то кивнула, не то качнула головой.

– Я сюда прибежала сама не своя, – сказала глухо. – И спасибо тебе за доброту, за все. Но ты не обязана... а денег у меня нет, совсем нет.

– Деньги приходят и уходят, – беспечно сказала Валерия. – Лучше, конечно, когда приходят... Но если думать только о них, свихнуться можно. Конечно, я надеюсь, что когда-нибудь поправятся все твои дела, в том числе и финансовые. Тогда и поговорим о моем гонораре. А насчет квартиры – вообще не волнуйся: в трех комнатах можно ухитриться не мешать друг другу. Вдобавок не думаю, что это надолго. А теперь давай поедем.

Она шлепнула на тарелку перед Альбиной немалую горку белой массы, из которой торчали желтые зернышки консервированной кукурузы и красненькие кусочки крабовых палочек, и принялась накладывать себе.

– Мне это дело не представляется таким уж сложным, – сказала Валерия с улыбкой. – В конце концов, трансов у нас не так уж много, а врачей, которые делают операции такого рода, и того меньше. Для начала главное – найти хирурга, который по описанию узнает беглянку и даст нам ее имя и фамилию. Таким образом мы постепенно обозначим ее старые связи, среди которых, конечно, окажутся и Наиль, и дядька с платком, и, возможно, тот бродячий доктор, который произвел на тебя такое жуткое впечатление. Он, разумеется, такой же доктор, как я мисс Марпл...

– А по-моему, он все-таки доктор! – оживилась Альбина. – Может, не терапевт и не хирург, но уж наверняка психиатр! Я же тебе рассказывала, как он одним только словом транса в ужас поверг? А потом – спи! И тот рухнул...

– Ну, не знаю... может быть. А также не исключено, что этих крутых ребят к вам с теткой послал именно он.

– Конечно! Как я сразу не подумала? Тетя Галя при нем сказала, еще когда не разглядела, что это чужой: «Это племянница, она мне помогает». Ну, он меня выследил, наверное, а потом навел своих сообщников. Почти факт, что так и было!

– Очень может быть, – кивнула Валерия. – Смотри, какие оперативные ребята! Ты ушла из больницы ночью, там все было тихо-мирно, раненая еще никуда не собиралась бежать, а за тобой уже следили. Зачем? Нет, скорее всего, выследил он именно тетю Галю с этой загадоч-

ной особой. Но то ли сомневался в чем-то, то ли не мог решиться действовать в одиночку. А потом созвал своих боевиков и поручил обтяпать дело как можно деликатнее. Тогда Наиль действительно проследил тебя до универсама, быстренько втерся в доверие к Катюшке...

– Да, она в тот день опоздала, прибежала такая запыхавшаяся, – вспомнила Альбина.

– Вот-вот. Им хотелось проникнуть в вашу квартиру без шума, не привлекая к себе внимания. Видимо, не были уверены, где именно тетя Галя спрятала транса, боялись его спугнуть. Наверняка тот, второй, следил днем за твоей теткой. А коли она не выходила из дома, решили, будто беглянка прячется у вас в квартире. Кстати, а ты не думаешь, что доктор и тот человек в дубленке – одно и то же лицо?

– Быть не может. Доктор выше раза в полтора.

– У страха глаза велики, нет?

Альбина невольно усмехнулась:

– Ого! Еще как велики! Но все-таки это не он. Доктор молод, лет тридцати с небольшим. А этому под пятьдесят. Вот просто-таки разило от него возрастом, понимаешь?

– Н-ну, предположим... – кивнула Валерия и вдруг холодновато взглянула на Альбину. – Только имей в виду: я буду работать по этому делу с одним условием.

– С каким? – опять испугалась Альбина и даже вилку отложила.

– Чтобы ты съела весь салат. Это мое фирменное блюдо, и я воспринимаю как оскорбление... А что, разве его надо подсолить?

Альбина покачала головой, пальцами ловя слезы, которые вдруг посыпались со щек, и пытаясь улыбнуться.

– Умоляю – не надо! – взмолилась Валерия. – Конечно, денек у тебя выдался – не всякому пережить, а все-таки... все-таки она вертится! И ты жива, а могло быть совершенно наоборот, верно? Взгляни на ситуацию именно с этой стороны – и твои слезоньки сразу иссякнут.

– Это от усталости, – с извиняющимся видом улыбнулась Альбина. – И еще... еще... ты...

– Ой, вот этого не надо! – Валерия, протестуя, выставила узкую ладонь с длинными, худыми пальцами. – Не надо делать из меня добрую самаритянку, я этого совершенно не выношу! И работать буду не столько для тебя, сколько для себя. Я сейчас совершенно не у дел. Ты даже не представляешь, сколько у людей еще предрассудков! По-прежнему верят в то, что их полиция их бережет. Конечно, иногда у нее это получается, и бывают случаи, когда без нее вообще не обойтись. Но после полиции клиенты куда охотнее обращаются к вымогателям под вывеской «Частное детективное агентство», чем ко мне. Потому что я работаю в одиночку! Потому что на моих дверях нет черно-золотой вывески с идиотским названием, в прихожей не зевает тупорылый качок, я не бью с порога по башке суммой несусветного гонорара, а главное – потому что я женщина. Вот дурь, верно? Кажется, это осталась последняя сфера деятельности, в которой женщине еще надо доказывать свои приоритеты, но почему это должна делать именно я?!

– Мисс Марпл, – вспомнила Альбина, невольно улыбаясь. – Мисс Марпл работала в одиночку – и ничего!

– Вот-вот, – сумрачно кивнула Валерия. – А еще я недавно прочла потрясающую историю. Вообрази: шестнадцатый век. Где-то под Вильно разбойничает шайка, настолько свирепая, что путь к этому городу называли черным. Что ни месяц – новые жертвы! Великий князь поручил расследовать это дело минскому судье Ваньковичу, который был известен своим хитроумием, и обещал за головы бандитов полпуда золота – невиданную награду! В ответ разбойники ограбили и вырезали семьи двух шляхтичей, которые в это время сражались в ополчении с татарами. Вернувшись, один из них повесился над могилами близких. Это была уже триста пятидесятая жертва... Тогда Ванькович сказал князю: «Или передую шайку до октября, или собственной саблей горло себе перережу!» Обещание серьезное, тем паче что на ноябрь была

назначена свадьба судьи с красавицей вдовой Ядвигой Русиновской, чей муж тоже пал жертвой убийц.

Настала осень. И вот как-то раз в усадьбу одного старого пана прибыло с десяток хвастливых гуляк, которые клялись, что со дня на день покончат с разбойниками и огребут награду. Свое дело они начали с грандиозных пирушек. Они пили и мололи языками, оскорбляя бандитов такими черными словами, что те не выдержали – и явились в усадьбу покончить с хвастунами и показать, у кого сила. Через некоторое время, в латах и шлеме, туда же прибыл атаман. Однако войдя в дом, обнаружил, что все его сообщники повязаны, а рядом с мнимыми хвастунами, которые сидели трезвехоньки, его поджидает сам Ванькович. Однако и судью ожидало страшное открытие! Когда с главаря сорвали шлем, Ванькович увидел свою ненаглядную Ядвигу.

Перед казнью она сказала: «Скучно мне было жить. Я рыцарем должна была родиться, но, видно, черт вмешался: мужское сердце с женским телом соединил. Это я убила своего мужа, а потом уже никого не жалела. Наслаждалась запахом крови, видом убитых людей! Но тебя, судья, любила по-настоящему...»

После того как Ядвигу повесили в Вильно перед двадцатитысячной толпой, соседи сожгли ее подворье, а пепел развеяли по ветру.

– Ну и сюжетец, а? – зябко повела плечами Валерия. – Я почему тебе это рассказала? Замечательно – насчет мужского сердца в женском теле! Это как бы и обо мне. При этом тело мое меня вполне устраивает, я бы ни за что не хотела с ним расстаться. Однако сердце требует действий нестандартных, нетрадиционных. Действий либо нападающего, либо защитника! И это не ответ условиям времени, как у многих нынешних деловых дам. Это всегда при мне было. Я потому и занялась частным сыском, что мне это в кайф: ощущать, что от меня зависит судьба человека, его жизнь, благополучие. В том-то и смысл, что я не собственную семью охранять хочу, как положено женщине, а любого человека, который ко мне приходит за помощью. А самое огромное наслаждение – знать, что я все делала сама. Что за мной не стоят плечом к плечу сплоченные ряды боевых товарищей. Я и главнокомандующий, и снайпер, и артиллерия, и разведка, и знаменосец. Надеяться надо только на себя! Скажешь, эгоцентрично? – усмехнулась Валерия, вновь принимаясь за еду. – И эксцентрично, вдобавок? Но такая уж я есть. И хотя живу на гонорары, иногда сокращаю их до минимума, если человек не может заплатить, а дело интересное, меня задевает. Как твое.

– Что ж тут интересного? – Альбина вяло возила вилкой по тарелке. – Пришли... убили...

– Ты ничего не понимаешь! – Валерия махнула на нее тоненьким ломтиком батона. – Еще вспомнишь мои слова, я такие вещи безошибочно чую: сколь много нам открытий чудных готовит эта история, ты и вообразить не можешь! И кроме того – это я нарочно говорю, чтобы ты не комплексовала, – я ведь перед тобой в неоплатном долгу. Не забыла, надеюсь?

Альбина недоверчиво взглянула в отважно блестящие глаза – и ничего не смогла с собой поделать: начала хохотать вместе с Валерией.

Знакомством они были обязаны все той же приснопамятной страсти тети Гали спать на дежурствах. Тогда тетушка работала в терапии, самом спокойном отделении больницы. В терапии только-только появились так называемые коммерческие палаты: в них могли спокойно хворать пациенты, предпочитавшие это делать в одиночестве и имеющие возможность свое одиночество оплатить. С них драли в три шеи и за лекарства, и за процедуры, и за метраж. Это было выгодно стремительно нищающей больнице, и вокруг обитателей тех палат все ходили на цыпочках, охраняя их покой.

Среди платных пациентов однажды оказался мужчина лет сорока пяти с обострением язвенной болезни. Он владел небольшой фирмой, однако трудно было догадаться, сделался причиной обострения производственный или семейный стресс. Тетя Галя, инструктируя Аль-

бину перед очередным ночным бдением, высказывалась именно за вторую версию, живописуя скандальный нрав супруги несчастного язвенника. Эта самая супруга все отделение извела голосом и повадками электропилы, «за свои деньги» требуя влажную уборку через каждый час, неусыпное внимание врача, сиделку у двери палаты и вообще неизвестно чего. Она не отходила от мужа целый день, озабоченно касаясь губами его лба, поправляя подушку, разглаживая простыни, то проветривая, то запирая форточку до невыносимой духоты, беспрестанно подсовывая больному раскаленный, из термоса, шиповниковый чай, ругательски ругая больничную еду – и незаметно, с отвращением пробуя, скушав чуть ли не весь диетический протертый супчик, предназначенный язвеннику... Словом, дама была невыносима просто-таки клинически. Вдобавок порывалась остаться в палате на ночь и уже начала требовать себе кровать или хотя бы раскладушку. Однако дежурный врач поймал отчаянный взор больного, брошенный на ночной столик, где рядом с неочищенным яблоком лежал нож, – и понял, что если он уступит вздорной даме, то ночью можно ожидать одного из двух: либо прободения язвы, либо убийства. Поэтому любящая супруга после некоторых усилий была выдворена домой, взяв на прощание с персонала страшную клятву, что на ночь у постели больного останется сиделка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.